

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

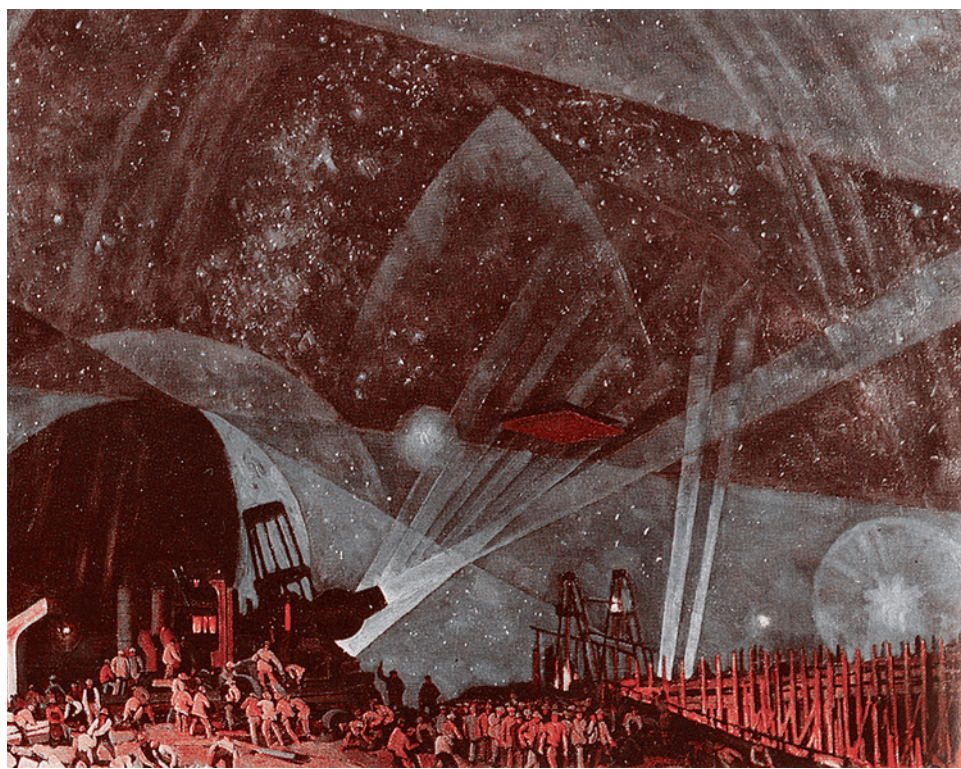
25 июля 2018 г.

№ 287

О стратегическом смысле тех результатов,
которые получены движением «Суть времени»
к моменту проведения VIII Летней школы

Слово и дело

Константин Юон. Люди. 1923

методологии. Эта методология вынесена в подзаголовок книги: «Аналитика конфликта интерпретаций».

В основе методологии лежит попытка обнаружить правду о личности Сталина с помощью специальной аналитики, позволяющей выявлять истину внутри конфликта разных, но одинаково ложных интерпретаций.

Авторы новой монографии смогли — и в этом сможет убедиться читатель — и надлежащим образом собрать имеющийся исторический материал (что уже совсем не просто, если речь идет о личности Сталина), и внести свою лепту в обнаружение нового материала, что в случае, когда речь идет о материале историческом, в существенной степени архивном, не так уж и просто. И, наконец, они сумели применить новый метод при рассмотрении надлежащим образом накопленного и обработанного материала.

То есть речь идет отнюдь не о школярском подходе к исследованию сложнейшего вопроса. Скорее, в пору говорить о первых шагах на пути создания нового исследовательского метода и о первых результатах, полученных с помощью применения этого метода.

А значит, авторов, они же — московские коммунары, можно расценивать как полноценных исследователей, предпринимающих далеко не беспомощные попытки создания нового научного направления. Исследователей, предьявляющих уже сейчас достаточно серьезные результаты.

Но эти же авторы год назад показали на VII Летней школе спектакль «Степнограмма». Являясь профессиональным режиссером и занимаясь режиссурой уже более 50 лет, могу объективно оценить качество актерского результата и, не желая впадать в апологетику, констатирую, что этот результат ничего общего с самостоятельностью не имеет. Спектакль поставлен мною, а я всегда чурался всего, связанного с самостоятельностью как суррогатом творческой деятельности.

Продолжение на стр. 2

Личность Сталина

Аналитика конфликта интерпретаций

4 АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА

9 ИОСИФ СТАЛИН — БИОГРАФИЯ ИЛИ АГИОГРАФИЯ?

15 ГОЛОСА ПРОТИВНИКОВ ОГУЛЬНОГО ОЧЕРНЕНИЯ ИОСИФА СТАЛИНА

Все понимают разницу между словом и делом. Как понимают и то, что вначале всегда говорится слово. Это слово, в нашем случае — представление об обновлении коммунистической идеологии и практики, предложенное в цикле лекций «Суть времени», могло быть или воплощено на практике, или оказаться растворенным в стихии нынешней посткапиталистической регрессивной жизни. Что же именно случилось? Удалось ли нам что-нибудь воплотить? Именно это обсуждалось на VIII Летней школе «Суть времени», которая проходила с 9 по 21 июля 2018 года.

Школа была более насыщенной, чем когда бы то ни было. На ней фактически обсуждалось только одно: имеем ли мы право и дальше говорить о построении субъекта, реализующего очень масштабный суперпроект или надо как-то скорректировать наши цели, приведя слово, сказанное в 2011 году, в соответствие с тем, что осуществлено к 2018-му.

На VIII Летней школе было показано сразу два коммунарских спектакля, чего ранее не было никогда. И на ней — это стало уже традицией — были зачитаны очередные доклады, которые ложатся в основу коллективной монографии. На этот раз зачитывались большие фрагменты из будущей книги «Личность Сталина. Аналитика конфликта интерпретаций».

Эта книга является очередной коллективной коммунарской монографией. Первая такая монография — «Украинство». На этот раз монография была представлена не Александровской, а Московской коммуной, сформированной движением «Суть времени».

Следуя имеющейся традиции, мы начинаем печатать в газете «Суть времени» эти доклады, вполне актуальные по содержанию (личность Сталина вызывает сейчас в нашем обществе очень большой интерес) и достаточно продвинутые с точки зрения

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

1 8 2 8 7

>

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Продолжение. Начало — на стр. 1

Долгое время — с конца 60-х по середину 80-х годов XX века — руководя театром, являвшимся самодеятельным по форме (люди не получали заработную плату), я всегда добивался того, чтобы театр не был самодеятельным по существу. То есть чтобы актеры играли не «почти как» в профессиональном театре, а лучше, чем в профессиональном театре, демонстрируя новизну стиля и метода, а также эффективность этой новизны. Это обеспечило признание руководимому мною театру «На досках». Всегда чураясь не самодеятельности, а «самодельщины», то есть деятельности, основанной на том, что она заранее задает себе низкую творческую планку, я никогда не стал бы выпускать спектакль с коммунарами, если бы он был хоть сколько-нибудь самодеятельным.

Три коммунарских спектакля: «Стенограмма», «Кто слышит пролитую кровь» и «Пастырь» (последний был впервые показан на VIII Летней школе и будет показан в Москве в сентябре этого года) — никоим образом не являются хоть сколько-нибудь самодеятельными. Это работы начинающих, но берущих очень высокую творческую планку художников.

Четвертый коммунарский спектакль, «Зерна», был тоже показан на VIII Летней школе и будет показан в Москве в октябре этого года.

Спектакли «Кто слышит пролитую кровь» и «Пастырь» — это плоды творческой деятельности Александровской коммуны. Но эта же коммуна — то есть буквально те люди, которые участвуют в спектаклях, — написала коллективную монографию «Украинство», получившую очень высокую оценку специалистов.

Участники этих спектаклей готовятся к написанию новых монографий и к работе в новых спектаклях. А еще они и учатся, и занимаются производственной деятельностью, и активно участвуют в организационно-политической и идеолого-политической деятельности.

Спектакли «Стенограмма» и «Зерна» поставлены московскими коммунарами. Участники спектакля «Стенограмма» предъявили свою научную работу, с которой сейчас начнет знакомиться читатель нашей газеты, на VIII Летней школе «Суть времени». Участники спектакля «Зерна» предъявят свою работу на IX Летней школе. А также войдут в другие научные начинания.

Мне бы хотелось, чтобы читатель честно ответил на прямо поставленный вопрос. Может ли он назвать хоть одну группу в мире, которая одновременно создавала бы и высококачественные творческие продукты, адресующие к тому, что специалисты связывают с «правополушарной» (образной, эмоциональной) активностью человеческого мозга, и столь же высококачественные научные продукты, которые, как считают специалисты, требуют активизации «левополушарной» (рациональной, понятийной) работы?

Может ли читатель назвать случаи, когда серьезные результаты в том, что связано и с право-, и с левополушарной активностью (то есть с культурным и научным творчеством), демонстрируют не отдельные люди, а достаточно большие группы? Потому что уже на сегодняшний момент этот результат продемонстрировала группа в несколько десятков людей, и эта группа явно будет расширена.

Мне бы хотелось, чтобы читатель назвал другие такие группы в современной России или даже за ее пределами. Потому что лично я назвать такие группы не могу. Но, может быть, их и нет? Что ж, если это так, то определенный результат коммунарской деятельности «Суть времени» — уже беспрецедентен в мировом масштабе. И это не бессмысленно-эксцентрический результат, потому что в каком-то смысле будущее человечества зависит от того,

будет ли преодолено расхождение между право- и левополушарной деятельностью человека.

На уровне отдельных гениев такое преодоление возникло в эпоху Возрождения. Но это касалось именно отдельных гениев (Леонардо да Винчи, например). Причем в последующий период говорилось, что даже отдельные гении смогли добиться этого результата только потому, что эпоха Ренессанса сформировала определенного ренессансного человека.

Потом человечество круто свернуло с пути, намеченного Ренессансом и предполагавшего дальнейшее становление всего, что связано с формированием ренессансной, так называемой гармонической личности, на путь узкой профессионализации, восхваляемой так называемым Модерном, являвшимся вовсе не продолжением, а отрицанием Ренессанса.

Константин Юон. Люди будущего. 1929

Не имея здесь возможности подробно аргументировать предложенное читателю представление, согласно которому Ренессанс и Модерн, будучи в одной и той же степени продуктами одной и той же западной цивилизации, являются одновременно не преемственными фазами в развитии этой цивилизации, а фазами-антагонистами, по большому счету находящимися в глубочайшем конфликте, оговорю лишь, что это не только моя позиция: ее отстаивали на разных этапах многие ученые и мыслители.

Ренессанс воспевал гармоническую личность. А Модерн — относительно узкого специалиста, того самого, про которого Козьма Прутков сказал, что специалист подобен флюсу. Ренессанс проиграл Модерну, в том числе и потому, что протестантская реформа породила католическую контрреформацию. А эти реформа и контрреформа вместе сжали как в тисках и раздавили Ренессанс.

Мечта о гармоничном человеке и той сущностной целостности, без которой этот человек невозможен, была сохранена Россией по очень многим причинам. В числе которых православие имеет существенное, но не абсолютно доминирующее значение. Здесь я опять-таки не могу обсуждать все обстоятельства, породившие русскую тягу к целостности, а значит, и к гармонической — ренессансной в плане исторической традиции — личности.

Эта мечта получила второе дыхание в русском коммунизме с его страстным исканием нового человека. Эта мечта носила очень накаленный характер и на первых этапах советской власти получила решительную государственную поддержку.

Целый ряд моих знакомых, чьи родственники работали у Луначарского, говорили мне о том, что этот советский нарком просвещения истово верил в советскую миссию по созданию нового человека. И даже говорил, что этот человек, формируемый отсутствием эксплуатации и новой

системой образования и воспитания, вот вот будет явлен миру. И что нынешние советские творцы, сформированные в буржуазную эпоху, будут посрамлены явлением этого нового человека, потому что каждый из тех, кто явится в качестве нового человека, будет так же талантлив, как Гёте.

Этой мечте не суждено было воплотиться в жизнь по очень многим причинам. Тут и унесшая бесчисленные жизни Великая Отечественная война, и необходимость в преддверии этой войны опереться не на относительно мирный Ренессанс, а на мобилизационный Модерн в его советской редакции (что, собственно, и сделал Сталин) и многое другое.

Но вспыхнувшее в России красное пламя очень и очень многими воспринималось как перенимание эстафеты Ренессанса и спасение идеи гармонического ренессансного человека, он же — советский новый человек.

советского коммунистического проекта. Что этот проект, отбросив идею создания нового человека, «остыл» и что его остывание обернулось катастрофой распада СССР и всем, что за этим последовало.

Но, заявив об этом, движение должно было не только реформировать коммунистическую идеологию, придавая ей прежний «новочеловеческий» смысл, но и на практике осуществлять то, что связано с идеей нового человека.

Коммунистическая идеология была реформирована уже в передачах «Суть времени» и одноименной книге. А осуществление на практике того, что декларировала новая идеология, движение «Суть времени» связало со своими коммунарскими инициативами. Это коммунарство, сначала осуществленное на поселении в Александровском, а теперь уже перенесенное и в Москву, на первом этапе по большей части боролось с обычными коммунарскими трудностями как материального (обустройство общего быта, создание своего производства), так и психологического характера.

Но уже на этом первом этапе коммунарство начало двигаться сначала просто в интеллектуальную сторону, а затем и в сторону соединения лево- и правополушарного интеллектуализма, то есть в сторону каких-то поисков возможностей воплощения на практике идеи нового человека.

Но почему в XXI столетии сохраняет актуальность идея нового человека, вроде бы скомпрометированная крахом коммунизма?

Прежде всего потому, что в отсутствие этой идеи рухнет вся светская гуманистическая парадигма, как в ее коммунистическом варианте, так и в любых других вариантах. Нет и не может быть восхождения человека в потоке Истории без точного ориентира на определенную цель. И если речь идет о светском гуманизме, то такой целью может быть только новый человек, или Человек с большой буквы: всё остальное не выдерживает испытаний на прочность.

Человек может стать мерой всех вещей, только если речь идет о Человеке с большой буквы. Ни среднестатистический человек, ни каждый отдельный человек, ни примитивный стадный коллективизм не могут ответить на вопрос о том, где мера всех вещей и почему она должна быть такова. Если идея нового человека не получит воплощения, то рухнет весь светский гуманизм.

Религиозные люди скажут: «Ну и пусть он рухнет, остается религиозный гуманизм, для которого мера всех вещей не человек, а Бог. Будет такое представление гуманистическим, то есть предполагающим особые надежды, возлагаемые Богом на человека, или иным — неважно, лишь бы оно было».

Такой подход свойственен так называемым интегратам, фундаменталистам. Он проникнут тоской по прошлому, он пронизан ненавистью к Истории, порождающей отпадение от прошлого. То есть подход этот не только реакционен в полном смысле этого слова, он еще и абсолютно выморочный, потому что реальное человечество уже никогда не вернется в фундаментализм и интегризм. Туда может вернуться малая часть человечества, которая, вернувшись, захочет продиктовать остальному человечеству свою волю. Или, точнее, сразу несколько волей, потому что фундаментализмов и интегризмов будет несколько (христианский, исламский и иные). Так что даже победа фундаменталистско-интегристского подхода принесет человечеству только гибель. При этом такой подход обречен на поражение в современном и тем более постсовременном мире — в силу слишком большого несоответствия

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

норм этого подхода тому, что происходит в реальности.

А значит, либо объединяющая всех верующих и неверующих идея восхождения в потоке Истории человека и человечества к Человеку с большой буквы — восхождения, осуществляемого для одних по воле бога, а для других по воле человека, — либо крах гуманизма, Истории, крах проекта Человек и предельно темная перспектива, в которой исчезнет и светский, и классический религиозный гуманизм, и классическая религиозность как таковая.

Воплощение на практике идеи нового человека в ее так называемом гармоническом варианте, адресующем к иной, целостной (ренессансной или преемственной), творческой активности человека, важна прежде всего в силу того, о чем только что было сказано. Но и не только.

Я уже сказал о том, что Модерн, воюя с Ренессансом, выдвинул в качестве того, что способно выводить человечество на новые рубежи, некую специализацию, предполагая, что отдельный человек, сосредоточившись на освоении отдельных аспектов деятельности, резко повысит свой потенциал, а объединившись с другими людьми, посвятившими себя другим аспектам деятельности, резко увеличит эффективность деятельности в целом. На основе этого подхода были достигнуты фантастические результаты.

Но чем больше становилось таких результатов, тем менее ясным оказывалось то, как именно сочетать дифференциацию с интеграцией. Иначе говоря, кто именно будет соединять воедино очень разные специализации в рамках всеобъемлющей деятельности? Когда этих специализаций — десятки или сотни, их еще можно соединять, так сказать, на глазок. Но когда их сотни тысяч или миллионы, что надо делать?

Между тем в естественных науках специализации размножаются с невероятной скоростью. Была химия и физика. Потом возникли к ним добавки физхимия и химфизика. А потом эти дисциплины начали отпочковываться от себя новые и новые специализации. Дифференциация стремительно нарастает. И кто будет компенсировать это в плане интеграции?

Всё чаще говорится о необходимости трансдисциплинарных, метадисциплинарных оснований. А также тех людей, кто в состоянии, опираясь на эти основания, противопоставить нечто собирательное тому размножению специализаций, при котором отдельные специалисты просто перестают понимать друг друга.

Между тем речь идет не только об интеграции постоянно размножающихся естественнонаучных дисциплин, но и о необходимости нахождения сопряжений между естественнонаучным знанием и знанием иным — гуманитарным, художественным. Без этого нет и не может быть настоящей трансдисциплинарности. Но это требует сближения всё более отдаляющихся друг от друга лево- и правополушарных потенциалов, которыми обладает человек.

Как стратегически, то есть в плане задания необходимого человечеству целеполагания, так и методологически, то есть в плане нахождения путей интеграции в условиях резкого нарастания дифференциации, идея нового человека является фактически безальтернативной. Или, точнее, альтернативой является крах нынешней цивилизации.

Вот почему даже самые скромные успехи в осуществлении на практике того, что связано с новым человеком, принципиально важны для будущего человечества. Притом что осуществление «новочеловечности» на уровне практики теснейшим образом связано с возможностью преодоления противоречия между лево- и правополушарным функционированием человеческого мозга.

Никаких вкусовых перетяжек в том, что сказано выше, нет. Как нет в этом и попытки выпячивания нашего начинания. Правоту того, что сказано выше, понимают все специалисты, мучительно пытающиеся найти ответ на вызовы бесцелевого и безынтегративного существования современного человечества.

Вне этого контекста наши начинания рассматривать бессмысленно. А в этом контексте... Что знаменуют собой в этом контексте несколько исследовательских («левополушарных») проектов и несколько творческих («правополушарных») проектов, осуществляемых на профессиональном уровне одними и теми же людьми, притом что таких людей уже совсем немало... Что это такое?

Это, во-первых, нечто глобально беспрецедентное. Чтобы опровергнуть такую предельно амбициозную оценку, надо указать на имеющиеся прецеденты. А указать на них невозможно. Но тогда и оценку опровергнуть невозможно, не так ли?

Это, во-вторых, нечто глобально необходимое.

Это, в-третьих, движение именно по направлению, задаваемому ренессансными идеалами, получившими глубокое развитие в теории и практике коммунизма. А значит, «Суть времени» и воплощает на практике собственную коммунистическую доктрину, она же — коммунизм 2.0, и искупает этим воплощением всё, что связано с крахом предыдущей коммунистической доктрины, она же — советский классический коммунизм, отодвинувший идею нового человека на периферию, она же — коммунизм 1.0.

И это, в-четвертых, конечно же, лишь первые очень скромные попытки реализации крупного и амбициозного проекта. Эти заделы либо получат развитие в ближайшие годы, либо окажутся в разряде чего-то подававшего надежды, но не сумевшего эти надежды осуществить в полном объеме.

Такова единственно возможная оценка того, что осуществлено коммунарками к настоящему времени.

Да, возможно, всё, нами сделанное, не оправдает до конца возложенных на это ожиданий. Тут всё зависит от энергии коммунаров, их упорства, преданности делу, их верности собственному пути, их отвержения криминально-капиталистических регрессивных соблазнов, их жертвенности, наконец. А также того, насколько решительно и настойчиво двинутся по проторенной коммунарками дороге все члены движения «Суть времени», насколько они отвергнут указанные выше соблазны, каково будет их упорство и верность миссии и так далее.

Но как бы то ни было, уже сейчас можно сказать, что:

1. Никто, кроме коммунарского движения «Суть времени», не осуществил и не готовится осуществлять чего-нибудь, хоть отдаленно сопоставимого с этим нашим скромным начинанием по созданию нового человека.
2. Ни одно общественно-политическое движение России, кроме «Сути времени», не осуществило усилиями членов движения сразу несколько интеллектуальных проектов. Причем не только частных, но и отвечающих на очень острые общенациональные вызовы. Разве таким ответом не являются наши «Исторические тетради»? Конечно же, являются. Потому что совокупность этих тетрадей представляет собой полный ответ на вызов десоветизации, на ту фальсификацию советской истории, которая сыграла существенную роль в распаде СССР и крахе советского коммунизма.

3. Ни одно общественно-политическое движение России, кроме «Сути времени», не породило возможностей для того, чтобы одни и те же люди осуществили и эти интеллектуальные проекты, и проекты художественные (каковыми являются названные мною выше вполне профессиональные спектакли).

4. Ни одно общественно-политическое движение России, кроме «Сути времени», не создало своего собственного центра обучения («Школы высших смыслов»), в котором вдобавок не просто чему-то учат, а преподают всё, что связано с так называемой мягкой силой. Причем преподают на основании учебников, созданных собственными силами и получивших высокую оценку специалистов.

5. Ни одно общественно-политическое движение России, кроме «Сути времени», не выпускает свою профессиональную и регулярную интеллектуально-политическую газету (выпущено уже 286 номеров!).

6. Ни одно общественно-политическое движение России, кроме «Сути времени», не создало свое информационное агентство («Красная Весна»).

7. Ни одно общественно-политическое движение России, кроме «Сути времени», не создало коммун, обладающих ненулевыми производственными возможностями, и не насытило одновременно эти коммуны содержанием, имеющим отношение к реализации на практике идеи нового человека. Между тем коммунары уже всерьез рассматривают не только соединение лево- и правополушарной деятельности, но и нечто более амбициозное, претендующее на формирование теоретических и практических основ той психологии, которая позволит наполнить практическим содержанием нашу идею о том, что коммунизм — это пробуждение и раскрепощение высших творческих способностей в каждом человеке.

8. Ни одно общественно-политическое движение России, кроме «Сути времени», не выпускает новых учебников для школьников, не сочетает свою интеллектуальную и духовную деятельность с прикладной общественной деятельностью (защитой семей, защитой системы образования и здравоохранения и так далее). Кто-то — пусть редко, но выходит на улицы с практическими целями, но никто не сочетает такие выходы с интеллектуализмом в его описанном мною выше многообразии.

9. Ни одно общественно-политическое движение России, кроме «Сути времени», не создает наряду со всем вышеописанным еще и альтернативной среды жизни, альтернативного стиля жизни. Причем речь идет о создании комплексной — производственной и социокультурной — среды. А также о том, что эта среда насыщена одновременно и общинным коллективизмом, и стремлением быть на переднем крае современности.

10. Даже если в России и есть результативные интеллектуальные начинания, осуществляемые в плотных и прочных коллективах и имеющие стратегические цели типа тех, которые описаны мною выше, то эти начинания (которых я не вижу, но заранее предполагаю, что мое невидение связано с моей близорукостью, а не с их отсутстви-

ем) явно не участвовали в той уличной деятельности, в которой участвовало и участвует «Суть времени». Именно «Суть времени» выдвинуло саму концепцию гражданской уличной активности народного большинства, гражданской уличной консервативной активности, гражданской антиоранжевой активности. «Суть времени» и выдвинуло эту концепцию, и реализовало ее на практике. Что общеизвестно.

11. Ни одно общественно-политическое движение России, кроме «Сути времени», не сочетает всего, что выше перечислено, с постоянным участием в идущей уже более четырех лет войне в Донбассе. Кто-то из общественников, входящих в другие организации, участвовал какое-то время в борьбе, ведущейся Донбассом против бандеровщины, но в основном это участие осуществлялось тогда, когда тема была до предела накалена. Кто-то — участвует и сейчас. Честь им и хвала за то, что они в чем-то участвуют. Но эти «кто-то» не ведут деятельность по широкому спектру, не создают коммунарского движения в Донбассе. И разница между этим благородным, но узкоспециализированным участием и деятельностью «Сути времени» очевидна.

12. В сущности, ни одно общественно-политическое движение России, кроме «Сути времени», не создает и таких Летних, а также Зимних школ, интеллектуальные продукты которых мы представим читателю, публикуя большие фрагменты книги «Личность Сталина. Анализа конфликта интерпретаций».

Конечно, все мы лицезрели некие школы типа «Территории смыслов». Но все мы слишком хорошо понимаем, что это а) нечто совсем другое (то есть палатки те же, многое другое тоже имеется, но нет ничего из того, что перечислено выше) и б) это создает не общественно-политическое движение.

Всё вышесказанное вовсе не означает, что у движения «Суть времени» нет собственных острейших проблем. Конечно же, они есть. И мы их тоже обсуждали. Но это обсуждение — часть нашего стремления к превращению имеющихся заделов в нечто действительно национально и глобально значимое. Сумеют ли члены движения «Суть времени» перейти от важных заделов к более развернутым и крупномасштабным начинаниям, покажут ближайшие годы. Пока что ясно, что после восьми лет существования движение не только не свернулось, но и ушло от некоей страстной аморфности, превратившись в тот структурный каркас, который я только что описал. При этом страстность не ушла. Она наполнила собой не аморфный газ, а созданную структуру.

Повторяю, я не воспеваю своих, а констатирую всем очевидные результаты. Просто перечисляю и осмысливаю их значение. И завершаю этот пролог к знакомству читателя с материалами Летней школы тем, чем завершаю все свои идеологические тексты.

До встречи в СССР!

Сергей Кургинян

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Коллективная монография

Личность Сталина. Аналитика конфликта интерпретаций

Сергей Кургиян

Аналитическая история как метод исследования личности Сталина

Герменевтика — одна из древнейших философских дисциплин. Задачей данной дисциплины является превращение истолкования сложно построенных текстов — как священных, так и иных — в тщательно разработанную методологию. Иногда термины «герменевтика» и «экзегетика» рассматриваются как синонимы. Но это не вполне так.

Потому что, во-первых, экзегетика в большей мере, чем герменевтика, ориентирована на истолкование священных текстов, которые в силу своей богооткровенности просто обязаны обладать не только буквальным, но и дополнительным, более глубоким и не всегда выраженным смыслом.

И, во-вторых, экзегетика, в отличие от герменевтики, занимается только истолкованием, то есть интерпретацией текстов. А герменевтика претендует на интерпретацию самых разных типов коммуникации. В том числе и тех коммуникаций, которые осуществляются без задействования слов (так называемых невербальных коммуникаций).

Если истолкование чего-либо, в том числе биографических сведений, не адресует напрямую к религиозной сфере и если истолкованию подлежит очень разнокачественный и противоречивый материал, то дисциплиной, разрабатывающей и применяющей методологию такого истолкования, является именно герменевтика.

С древнейших времен существовали и признанные теми или иными конфессиями толкователи, и целые институты, занятые толкованием. Толкователей называли комментаторами. Сталкивались между собой различные школы комментирования. Эти школы в разных религиях назывались по-разному. Кроме христианских комментаторов священных текстов, которых наделяли полномочиями те или иные конфессии (католическая, православная, протестантская), есть еще школы иудейского толкования. Толкованием занимались танныи, амораи, масореты. В исламе обычное толкование Корана называется тафсир, а эзотерическое толкование — тавиль. В индийской философии есть целая школа, называемая пурва-миманса, занятая толкованием древнеиндийских религиозных источников. То же самое имеет место и в других религиях.

Первая обобщающая работа, в которой герменевтика фигурирует как полно-

Филипп де Шампань. Блаженный Августин. Около 1645–1650

ценная дисциплина, принадлежит христианскому мыслителю Аврелию Августину (354–430). Этот древний интеллектуал написал очень интересный труд, который называется «Христианская наука, или Основания священной герменевтики и искусства церковного красноречия».

Позднее герменевтику начали использовать для расшифровки, то есть разгадки тайн тех или иных текстов, не являющихся религиозными. Это касалось, например, исторических документов, которые нельзя

правильно интерпретировать без понимания того, какова культурная среда, в которую погружен автор документа, каков социальный статус автора, какова степень его образованности, какова его политическая ориентация, как он вписан в существующие элитные группы и так далее. Герменевтика начала использоваться и для чтения не лишённых загадочности художественных или философских текстов.

Постепенно наряду с религиозной герменевтикой сформировались еще и герме-

невтика историческая, филологическая, философская и, наконец, политическая.

Позже возникли и другие герменевтики. Потому что зашифрованный смысл надо было подвергать дешифровке, если разгадываешь подлинный смысл не только тех или иных религиозных откровений, тех или иных биографических сведений, тех или иных художественных произведений. Зашифрованный смысл стало необходимо подвергать дешифровке постольку, поскольку возникло колоссальное количество шифрованных посланий, в том числе и посылаемых в эфир. И тут нашлось место не только для гуманитарной, но и для математической дешифровки. А значит, сама герменевтика стала не только гуманитарной, но и математической дисциплиной.

Следовательно, восстанавливающий последовательность деяний, приведших к преступлению, и личность преступника, тоже занимается герменевтикой некоего паратекста, который называется следами совершенного преступления.

Геофизик, пытающийся установить размеры и состав того или иного геологического образования (в большинстве случаев месторождения, но и не только) по тем электромагнитным гравитационным или иным полям, источником которых является это геологическое образование, тоже занимается герменевтикой.

Аналитик, пытающийся раскрыть подлинный смысл тех или иных событий, тоже занимается герменевтикой.

Герменевтикой занимаются все, кто пытается восстановить природу и структуру источника по сигналам, которые посылает этот источник.

В математике такая задача восстановления структуры и природы источника по посылаемым им сигналам называется обратной задачей. Теория обратных задач, в которой рассматривается, в том числе и степень неустойчивости этих задач (так называемая некорректность), — отдельный раздел математики. Есть несколько математических школ, представители которых занимаются обратными задачами. Одна из этих школ связана с именем выдающегося советского математика и геофизика, дважды Героя социалистического труда, основателя факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ, академика Андрея Николаевича Тихонова (1906–1993).

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Андрей Николаевич Тихонов

Я пришел в политологию и политическую аналитику, будучи уже кандидатом физико-математических наук. Защищался я именно по обратным задачам. Учителями моими были крупные представители школы Андрея Николаевича Тихонова.

Придя в политологию и политическую аналитику, я с удивлением обнаружил, что, по существу, речь идет о всё тех же обратных задачах, то есть о том, что паратекст, в который входят и разного рода внетекстуальные события (митинги, заговоры, теракты), и политические тексты (речи, статьи, телевизионные передачи) надо расшифровывать, то есть решать некую обратную задачу, раскрывая смысл анализируемого паратекста. Поняв это, я стал развивать не просто аналитический метод, а аналитическую герменевтику, которая существенно отличается от исторической или даже политологической.

Я никогда не пытался ставить знак равенства между гуманитарной и математической герменевтикой. Но всегда понимал, что все виды герменевтики имеют одну существенную природу и могут рассматриваться как ветви на одном герменевтическом древе.

Одним из выдающихся представителей герменевтической науки XX века был французский мыслитель Поль Рикёр (1913–2005). Этот очень крупный философ, внесший существенный вклад в развитие герменевтики, находился под влиянием еще более крупного философа, одного из основателей феноменологии Эдмунда Гуссерля (1859–1938), выдвинувшего основополагающий феноменологический тезис «Назад к самим вещам!».

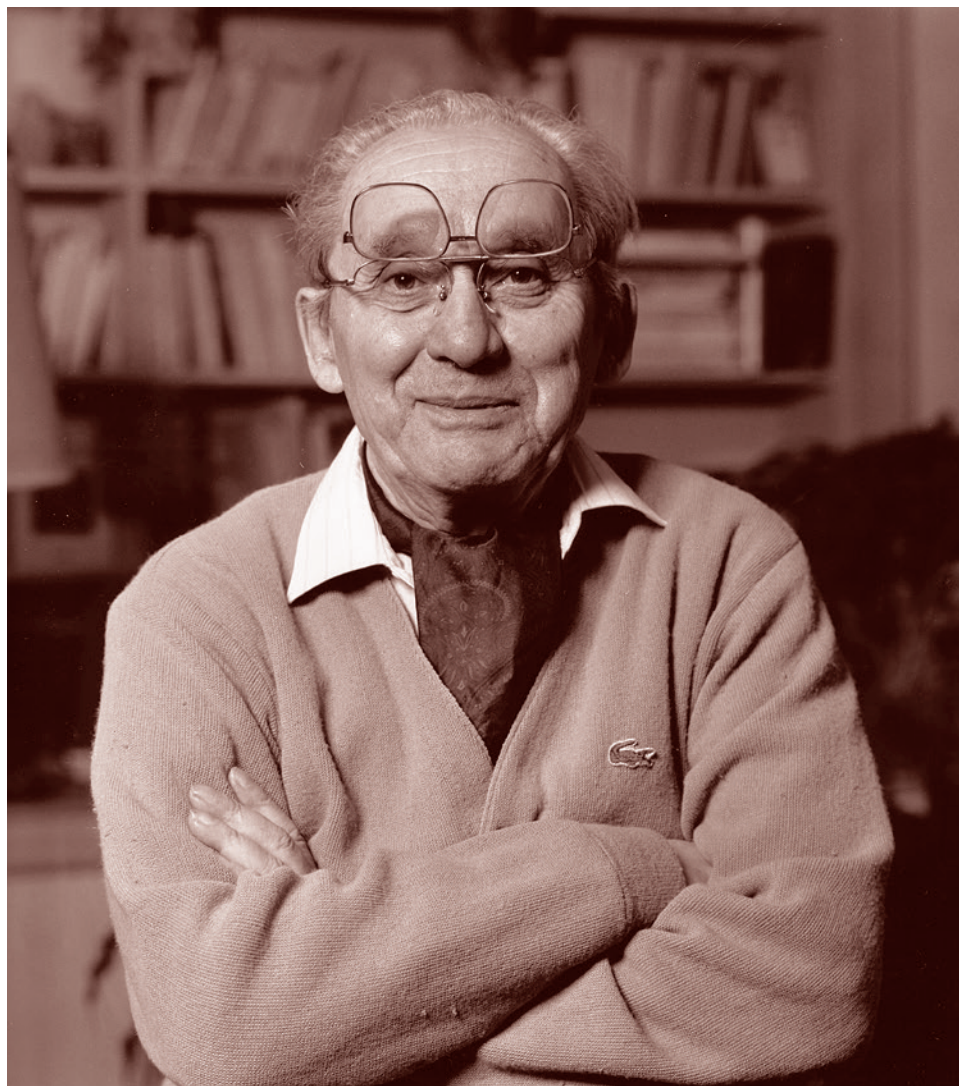
Согласно феноменологии Гуссерля, на которую существенным образом опирались и Рикёр, и все представители герменевтики XX столетия, сущностью сознания является присваивание смысла вещам. И в этом смысле быть сознанием означает давать вещам смысл.

Гуссерль утверждал, что такое движение к вещам производится за счет перехода от производных и вторичных смыслов к смыслам изначальным. И что фактически речь идет о необходимости двигаться от периферии, которой является целевое конструирование тех или иных смысловых конструкций, к тому ядру, которое породило эти конструкции.

Согласно Гуссерлю, феноменологическое исследование можно осуществлять как за счет непосредственного созерцания очевидности, так и за счет так называемой феноменологической редукции.

Гуссерль выделяет три типа редукции. Первый тип — феноменолого-психологическая редукция, нацеленная на анализ самого акта сознания. Речь идет об акте, в котором сознание присваивает смысл тому, с чем соприкасается.

Второй тип — эйдетическая редукция, в которой переживания, с помощью которых сознание присваивает смысл, рассма-

Поль Рикёр

триваются не как конкретные факты, а как некие идеальные сущности (эйдосы).

Третий тип — трансцендентальная редукция, в которой перебрасывается мост между сознанием, присваивающим смысл, и так называемым чистым сознанием.

Гуссерль призывал к прямому интуитивному интеллектуальному созерцанию сущностей. Такое созерцание он называл идеацией, эйдетической интуицией, категориальным созерцанием или созерцанием сущностей. Он утверждал, что идеальное можно непосредственно созерцать, а не выводить из понятий. Что такое созерцание возможно лишь на основе особой интеллектуальной интуиции. И что оно при этом является столь же научным, как и та научность, которая гордится тем, что она основана на чистом разуме.

В своей книге «Логические исследования» Гуссерль писал: «Что есть значение, это может быть дано нам так же непосредственно, как дано нам то, что есть цвет и звук. Оно не поддается дальнейшим определениям, оно есть дескриптивно предельное. Всякий раз, когда мы осуществляем или понимаем выражение, оно означает для нас нечто, мы в действительности осознаем его смысл. Этот акт понимания, акт придания значения, акт осуществления смысла не есть акт слышания звучания слова или акт переживания какого-либо одновременно приходящего образа фантазии. И точно так же, как нам с очевидностью даны феноменологические различия между являющимися звуками, нам даны и различия между значениями».

Критикуя различные теории идеального, Гуссерль одинаково отвергал и теорию Локка, согласно которой идеальное является своеобразным предельным концентратором чего-то конкретного, то есть существует только в мышлении, и теорию Платона, согласно которой идеальное существует вне мышления в божественном разуме, и все разновидности субъективного идеализма, согласно которому идеальное в каком-то смысле просто не существует. Гуссерль утверждал, что идеальное коренится в том бытии, которое существует, но не является реальным бытием, и что именно там проживают сущности, которые

можно непосредственно созерцать в акте идеации.

В своем произведении «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль писал: «Мы исходим из словесного, возможно, что и целиком темного представления «вещи» — из того самого, какое у нас только, вот сейчас, имеется. Свободно и независимо мы порождаем наглядные представления такой «вещи» — вообще и уясняем себе расплывчатый смысл слова. Поскольку же речь идет о «всеобщем представлении», то мы должны действовать, опираясь на пример. Мы порождаем произвольные созерцания фантазии вещей — пусть то будут вольные созерцания крылатых коней, белых ворон, золотых гор и т. п.; и всё это тоже были бы вещи, и представления таковых служат целям экземплификации не хуже вещей действительного опыта. На таких примерах, совершая идеацию, мы с интуитивной ясностью схватываем сущность «вещи» — субъект всеобщего ограничиваемых нозматических определений».

Нозматическим Гуссерль называл то содержание, которым обладает некое переживание, осуществляемое сознанием по отношению к чему-то, находящемуся за рамками переживаемой реальности, то есть тому, что трансцендентно по отношению к реальному составу переживаний. Сам этот реальный состав переживаний Гуссерль называл нозисом. А его двойника, находящегося за пределами реальности (иначе — его интенциональный коррелят) Гуссерль называл нозмой.

Различая реальные, по Гуссерлю — нозматические, то есть нозмой порождаемые, компоненты переживания и те трансцендентальные двойники, в которых эта реальность переживания исчезает, Гуссерль говорил об ирреальности нозматических переживаний. Он не просто говорил вскользь о такой ирреальности, он эту ирреальность подчеркивал.

В своих «Идеях» Гуссерль утверждал, что трансцендентное (ирреальное) содержание переживания — «это, конечно, нечто данное, причем — если верно и точно описывать переживание и нозматически создаваемое в нем в чистом

Эдмунд Гуссерль

интуировании — с очевидностью данное; однако это данное принадлежит к переживанию в совершенно ином смысле, нежели реальные, а тем самым настоящие, в собственном смысле, конституенты такового».

Гуссерль разработал учение о нозме, о ядре этой самой нозмы, о содержании этого ядра (так называемых характеристиках), об изменчивости нозматического ядра и так далее. Не желая ограничиваться подобной детализацией, Гуссерль стал отдельно рассматривать некое «наивнутреннее», находящееся в центральной точке ядра.

В своих «Идеях» Гуссерль писал: «Говоря о сопряжении (и специально «направлении») сознания на его предметное, мы отсылаемся к *наивнутреннейшему* моменту нозмы. Это не само только что утомившееся ядро, а нечто такое, что так сказать составляет необходимую центральную точку ядра, функционируя в качестве «носителя» специально принадлежащих ему нозматических своеобразий, а именно нозматических модифицируемых свойств «подразумеваемого как такового».

Я не могу здесь подробно рассматривать как саму феноменологию Гуссерля, так и те герменевтические направления, которые эта феноменология порождала и порождает. Скажу лишь, что завершение феноменологических изысканий Гуссерля могло бы изменить весь интеллектуализм второй половины XX века. Но Гуссерлю не дано было завершить свои изыскания.

Самым выдающимся учеником Гуссерля был немецкий философ Мартин Хайдеггер. Именно Хайдеггер редактировал основные работы Гуссерля. После прихода нацистов к власти Гуссерля начали травить как еврея. Степень участия в этой травле самого Хайдеггера — предмет отдельного рассмотрения. Гуссерлю было запрещено участвовать в философских конгрессах 1933 и 1937 годов. Он не мог не только участвовать официально на этих конгрессах, но даже появляться на них как частное лицо. И тем не менее Гуссерль не эмигрировал. Он умер в Германии в 1938 году от воспаления легких.

Нацистский режим мог уничтожить неизданные работы Гуссерля и библиотеку этого великого мыслителя. Но этому воспрепятствовал героизм бельгийского монаха-францисканца Лео Ван Бреды, который перевез архив Гуссерля в бельгийский город Лувен. Там был основан центр изучения наследия Гуссерля («Гуссерль-архив»). Этот центр существует до сих пор.

Разобранный архив Гуссерля в Лувене насчитывает 40 тысяч неизданных листов. Причем часть из этих листов — стенограммы, которые Гуссерль создавал на основе собственного метода. Они фактически не расшифрованы.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 4–5

Трудоемкость работы с архивом Гуссерля и невозможность осмысления этого архива теми, кто, так сказать, не конгениален Гуссерлю, смерть Гуссерля по причине его преследования нацистами, препятствия, которые чинили Гуссерлю нацисты, пока Гуссерль был еще жив, — сильно сказались на всем содержании постгуссерлевского интеллектуализма. Этот интеллектуализм как бы прошел не то чтобы мимо Гуссерля, но лишь соприкоснувшись с мыслью этого великого философа и не оперевшись на эту мысль в должной мере.

Но идеи Гуссерля не умерли, эстафету феноменологии подхватила герменевтика XX века. И прежде всего такой ее корифей, как Поль Рикёр.

Одна из книг Рикёра называется «Конфликт интерпретаций». Такое же название носит подзаголовок той книги о Сталине, предисловием к которой является эта моя статья.

Развивая и преобразуя идеи Гуссерля, Рикёр в своей книге «Конфликт интерпретаций» писал: «В целом я хотел бы показать следующее: изменение масштаба проблемы ведет к появлению едва ощутимого образования, которое одно только делает возможной научную трактовку проблемы: путь анализа, путь разложения на более мелкие единицы — это путь науки, и мы видим, как он находит свое применение в машинном переводе. Но я хотел бы, напротив, показать, что редукция к простому способствует устранению фундаментальной функции символизма, которая может возникнуть только на высшем уровне проявления и которая связывает символизм с реальностью, опытом, миром, существованием (я специально предоставляю право выбора между этими терминами). Короче говоря, я хотел бы показать, что путь анализа и путь синтеза не совпадают друг с другом, что они не равнозначны: на пути анализа обнаруживаются элементы значения, не имеющие никакого отношения к так называемым вещам; на пути синтеза выявляется функция означивания, то, что есть «говорение» и, в конечном итоге, «показывание».

Придя в аналитику из математики, я долгое время увлекался так называемым системным анализом, в котором обнаружение элементов и того, что эти элементы связывает, сопряжено с восстановлением так называемой целевой функции. Но со временем проявилась разница между тем, что называется системой (совокупностью элементов, имеющих общую цель и связанных между собой определенными связями) и более сложными совокупностями, так называемыми гештальтами (целостностями).

А поскольку системный анализ подвергался пересмотру со стороны постмодернизма с его ризомами, то есть размытыми плазмодными сущностями, более сложными, чем системы, то стало ясно, что без обновления идеи целостности обойтись нельзя. Потому что иначе окажешься беспомощным ответить на вызов постмодернизма, способного, в отличие от становящегося архаикой системного метода, предъявить новую коварную сложность.

Так постепенно сформировалась целостная, а не системная аналитика. Она сформировалась в качестве школы, продемонстрировавшей свои возможности в сфере прогнозирования и выявления скрытых смыслов происходящего. При этом целостный анализ всегда противопоставлял себя не только ограниченности системной аналитики и провокативности постмодернистского метода, заменяющего аналитику конструированием, но и всему, что связано с так называемой когнитивной.

Основа разработанной целостной аналитики — трансгерменевтический или мультигерменевтический метод. Поскольку герменевтические аналитики, они же —

смыслоаналитики, могут быть очень разными, то со всей остротой возникает вопрос об их сопряжении.

В точности такой же вопрос возникает в связи с проблемой сопряжения очень разных дисциплин. Порой достаточно сложно решить вопрос о сопряжении естественнонаучных дисциплин, но еще сложнее сопрягать естественнонаучные и гуманитарные дисциплины, и уж совсем сложно сопрягать естественнонаучную рациональность с художественными, оперирующими образностью, или духовными, оперирующими символами, способами познания бытия во всей его полноте.

Если в случае разных дисциплин нужно говорить о мультидисциплинарном или трансдисциплинарном, или сверхдисциплинарном методе, создающем целостность в условиях роста разобщенности дисциплин и их количества, то в случае герменевтики нужно говорить о мультигерменевтическом, трансгерменевтическом или сверхгерменевтическом методе.

Его-то и разрабатывает наш коллектив, развивая целостную аналитику.

Скажу несколько слов для пояснения сущности дела.

В советской филологии 20-х и 30-х годов XX века бытовал подход, который потом назвали вульгаризацией марксизма. Согласно этому подходу все великие художественные произведения следовало интерпретировать под классовым углом зрения. Обсуждалось, к какому классу или подклассу принадлежала Татьяна Ларина (сельское провинциальное дворянство) или Евгений Онегин (столичное дворянство), в чем состоит народная мудрость няни Татьяны Лариной, принадлежавшей к классу крепостного крестьянства, и так далее.

Конечно, со одной стороны, это было вульгаризацией. Но, с другой стороны, речь шла о том, что марксизм предложил свою герменевтику, которую можно назвать герменевтикой классовой борьбы. Эта герменевтика должна была носить всеобъемлющий характер. Смысл всего на свете — и литературных произведений, и реальных событий — следовало искать в этой самой классовой борьбе. Что, конечно же, было далеко не бессмысленно, но не могло исчерпать всего содержания даже относительно простых политических процессов. И уж тем более — процессов более сложных.

Но этого содержания не могла исчерпать и герменевтика элит, она же — аналитика элит, или герменевтика неясных, так называемых эзотерических смыслов, она же — эзотерическая аналитика или герменевтика криминальных сообществ, она же — криминальная аналитика или герменевтика спецслужбистских групп, она же — спецаналитика.

Насущно необходима была метагерменевтика, вбирающая в себя все вышеуказанные герменевтики и определенным образом их сопрягающая. В той же геофизике, например, надо сопрягать данные наблюдений за электрическим, магнитным, гравитационным полями, за радиацией, за происходящими пассивными излучениями и излучениями, создаваемыми в ходе изучения тех или иных объектов.

Целостная аналитика рождалась в связи с острой необходимостью сопряжения разного рода герменевтик, а также в связи с осознанием того, что эти герменевтики нельзя механически сопрягать, что сопряжение должно носить органический, то есть целостный характер.

Авторы данной коллективной монографии настаивают на том, что они взяли на вооружение нашу целостную аналитику и применяют ее к анализу биографии Сталина. При этом они говорят о конфликте интерпретаций, то есть адресуют к известному герменевтическому сочинению Поля Рикёра.

При этом именно в случае Сталина метод конфликта интерпретаций является особенно продуктивным. Потому что интерпретации конфликтуют между со-

бой очень откровенно, я бы сказал, даже слишком откровенно.

Цель авторов — обнаружить сокрытое, исследуя эти, подчас очень откровенные, конфликты интерпретаций. Обнаружить их можно только за счет погружения самих интерпретаций в достаточно сложный контекст. Это и бытовой контекст, и контекст собственно исторический, и контекст культурный, и контекст интимно-семейный, и, наконец, контекст эзотерическо-метафизический.

Авторы убеждены в том, что именно совокупность таких контекстов, в отличие от интерпретаций, можно объединить на основе целостности личности и того, что называется бытием (ученик Гуссерля Хайдеггер прямо говорил об аналитике бытия). Давление на интерпретации со стороны целостного мультиконтекста может, по мнению авторов, в какой-то мере обнаружить скрываемую интерпретаторами истину.

Реализуя на практике этот подход, авторы сочетают классическую биографическую герменевтику с другими герменевтиками, которые опираются на совсем иные основания, но вполне могут при этом сопрягаться не на уровне эклектики, а на уровне настоящего синтеза.

«Скажи мне, как ты дружишь, и я скажу тебе, кто ты».

«Скажи мне, кого ты любишь, и я скажу тебе, кто ты».

«Скажи мне, во что ты веришь, и я скажу тебе, кто ты».

«Скажи мне, что тебя терзает, и я скажу тебе, кто ты».

«Скажи мне, как ты живешь, и я скажу тебе, кто ты».

«Скажи мне...», «Скажи мне...», «Скажи мне...»

«Скажи мне всё сразу, и я скажу тебе, кто ты».

Сталин не скажет всё сразу. Для авторов Сталин — как бы живой человек, которого они не препарируют, а вопрошают. И в этом суть феноменологического метода, суть герменевтического метода, опирающегося на феноменологию, и суть метода целостного анализа, опирающегося на метагерменевтический синтез.

В случае Сталина, который очень определенно и яростно выбрал для себя определенную миссию — миссию по преобразованию Истории, очень важное значение имеет вопрошание об Истории: «Скажи мне, в каких ты с ней отношениях, и я скажу тебе, кто ты».

Это вопрошание, конечно, можно назвать адресацией к историческому контексту. Однако, думается, что сведение всего вопрошания к классическому историческому контексту с марксистским или иным представлением об историческом процессе было бы существенным упрощением.

В этой связи я вынужден, обсуждая метод, примененный авторами, обратиться не только к творчеству Гуссерля и Рикёра, но и к творчеству других исследователей, и отрекомендовать читателю исследование, осуществленное авторами, еще и как опыт по созданию такой дисциплины, как «аналитическая история».

«Аналитическая история» позволяет осуществлять герменевтику не только с помощью адресации к единому историческому контексту, но и с помощью исследования особого исторического контекста, того, который Мигель де Унамуно назвал интраисторическим.

Мигель де Унамуно (1864–1936) — испанский философ, писатель и общественный деятель. Он — баск, писавший на испанском языке. Унамуно много занимался античной литературой, преподавал латынь, занимался философией и историей. В 1924 году Унамуно выступил против тогдашнего испанского диктатора Primo de Rivera и был за это сослан на Канарские острова, откуда ему удалось перебраться во Францию.

В начале франкистского мятежа Унамуно поддержал Франко. Однако это

продолжалось недолго. Унамуно преподавал в университете города Саламанка. 12 октября 1936 года в этом университете выступил ультрафранкист, фалангист, генерал Хосе Мильян-Астрай-и-Террерос. В числе прочего этот генерал произнес фалангистское приветствие «Да здравствует смерть!». Унамуно после этого выступил с горячей речью, которую необходимо воспроизвести. Вот что сказал Унамуно тем, кого только что поддержал:

«Выслушайте мои слова, вы все. Все вы знаете меня и знаете, что я не могу хранить молчание. Порой молчать означает лгать. Ибо молчание можно понять как соучастие. Я хочу оценить речь — если ее можно так назвать — генерала Мильяна Астрыя, который присутствует среди нас. <...> Только что я услышал бессмысленный некрофильский вопль «Да здравствует смерть!» И я, который провел всю жизнь, осмысливая парадоксы, рожденные из бессмысленного гнева или других эмоций, должен сказать вам, умной и опытной аудитории, что этот нелепый парадокс вызывает у меня отвращение. <...> И мне доставляет большую боль мысль о том, что генерал Мильян Астрай будет определять психологию масс. <...> Здесь храм разума. И я его верховный жрец. Это вы оскорбляете его священные пределы. Вы можете победить, потому что у вас в достатке грубой силы. Но вы никогда не убедите. Потому что для этого надо уметь убеждать. Для этого понадобится то, чего вам не хватает в борьбе — разума и справедливости. Я всё сказал».

Генерал, против которого выступил Унамуно, прервал его выступление возгласом «Смерть интеллигенции! Да здравствует смерть!». Унамуно был смещен с поста ректора и помещен под домашний арест.

Все это необходимо оговорить, потому что ссылки на теоретические положения Унамуно иногда вызывают в левой аудитории негодование: мол, вы используете философские построения, автор которых являлся поклонником генерала Франко. Унамуно, как мы только что убедились, не являлся поклонником генерала Франко. Изначально он был поклонником Бакунина, Лассалья и Маркса. Потом он пережил глубокую человеческую катастрофу (у него умер от менингита трехлетний сын) и стал заниматься блаженным Августином, испанскими средневековыми мистиками, мистическими рассуждениями ревностного католика и великого философа Блеза Паскаля, идеями датского философа, основоположника экзистенциализма Сёре-на Кьеркегора. При этом Унамуно не стал религиозным философом. Его концепция трагического чувства жизни базируется на конфликте между переживанием конечности человеческого бытия (Унамуно называет это переживание «опытом ничто») и жаждой бессмертия.

Авторы исследования, предисловием к которому является эта статья, убеждены, что для Сталина большое значение имеет это самое трагическое чувство жизни, оно же — опыт ничто. И что это трагическое чувство жизни постоянно активизирует неясное метафизическое начало, имеющее важное значение в формировании личности Сталина и в осуществляемой Сталиным деятельности.

Целостный анализ для авторов является еще и аналитикой «ничто». Того «ничто», которое, согласно представлениям Унамуно, своими терзаниями рождает в личности «голод по бытию» или «жажду бытия».

Жажде личного бессмертия, считал Унамуно, противостоит рационалистическая уверенность в конечности сущего. Жажде бесконечного — ощущение конечности всего и вся. Отсюда — особое трагическое восприятие жизни, в котором человек пытается соединить несоединимое — веру и разум.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Авторы коллективной монографии задаются вопросом о том, соединялось ли это в личности Сталина, формировали ли его запросы «ничто» и «голод по бытию». И приводят доказательства того, что всё это для Сталина характерно.

Унамуно воспеваает такое соединение несоединимого, как «героическое безумие». Свойственно ли оно было личности Сталина?

Унамуно называет такое безумие «кихотизмом» (здесь отсылка к образу Дон Кихота, о котором великий Достоевский сказал: «Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: «Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?» — то человек мог бы молча подать Дон Кихота: «Вот мое заключение о жизни — и можете ли вы за него судить меня?»).

Можно ли говорить о каком-то сходстве предельно прагматического Сталина с Дон Кихотом в том понимании, какое предлагает нам Мигель де Унамуно? Авторы доказывают, что, как ни странно, можно говорить и о «кихотизме» Сталина в трактовке Унамуно, и о сопряжениях между сталинским мировоззрением и мировоззрением Достоевского.

Я не могу в этом предисловии обсуждать отличия философии Достоевского и философии Унамуно. Как не могу обсуждать и соотношение этих двух великих философий с еще одной философией — философией Мартина Хайдеггера, великого немецкого философа, которого порой проклинают левые, называя его сторонником нацизма, который, как я уже показал выше, сыграл не лучшую роль в том, что касается судьбы его учителя Гуссерля, и чье мировоззрение, конечно же, будучи глубоко консервативным, бесконечно сложнее нацистского.

Пока левые философы не выйдут за рамки узкополитической предвзятости, определяющей их отрицание Унамуно, Хайдеггера и других, — вся левая философия будет жалко прозябать в постмодернистском болоте. Ужасная ущербность левой философии и левой политической мысли как раз и состоит в том, что для нее всё консервативное и хоть в какой-то степени адресующее к невыразимому отторгается с порога и без желания отделять зерна от плевел.

Повторяю, если левая философия и левая политическая мысль не выйдут на принципиально новые рубежи, если они продолжают свое маразматическое существование хотя бы на пару десятилетий, то левое вообще умрет. Останутся леваки, но левая философская мысль превратится в прах, из которого уже не воскреснет никакой философский Феникс. Поэтому надо как можно скорее преодолевать это огульное отторжение левой мыслью всего, что создано великими консервативными философами, как религиозными, так и иными, ибо и Хайдеггер, и Унамуно религиозными философами в полном смысле этого слова не являются.

В этом предисловии я заговорил о Мигеле де Унамуно потому, что именно он ввел в науку то, что с большими оговорками можно назвать и новым историческим (для Унамуно — интраисторическим) контекстом, и то, что можно назвать «ничто», нерациональным, в понимании Гуссерля — аналитическим дискурсом.

Впрочем, дискурс тут является скорее упрощенной апелляцией к известным понятиям, чем отражением реального существа унамуновских инноваций. Потому что введенное

(здесь я имею в виду представления Унамуно о внутренней истории, она же — интраистория) не является, строго говоря, дискурсом. Связь этой самой интраистории с классической наукой (исторической и не только) очень проблематична. Что ж, тем хуже для классической науки, которой предстоит либо существенно измениться, либо перестать отвечать на вызовы современности.

Иногда интраисторию Мигеля де Унамуно называют художественно-философским дискурсом. Я поддерживаю такое определение именно в силу его колоссальной противоречивости. Может ли дискурс быть художественным? Разумеется, не может. Является ли метод Унамуно и философским, и художественным одновременно? Безусловно. Входят ли в противоречие художественность этого метода и его философичность? Входят, если понимать философию как науку — притом что она наукой безусловным образом не является. Но даже если это входит в противоречие, тем лучше. Потому что всё, лишённое противоречий, — мертво. А та сфера, в которую вторглись авторы этой книги, начав обсуждать личность Сталина, не может откликнуться на нечто сухое, рациональное и в силу этого мертвое.

Все мы прекрасно понимаем, что в какой-то мере (какой-то и не более того) личность можно рационально обсуждать в случае, если она осуществила документально зафиксированное самораскрытие. Сталин такого самораскрытия не осуществил. Невозможен личный дневник Сталина, как невозможен и личный дневник Наполеона. Определенный тип личности, тот тип личности, который Унамуно назвал героическим и безумным одновременно, чурается самораскрытия не только из политической осторожности, но и по более фундаментальным соображениям.

Итак, любая попытка раскрытия личности Сталина (а речь по определению может идти только лишь о попытке) требует живого метода, то есть метода, коренным образом противостоящего сухому рациональному дискурсу. В личность Сталина

можно попытаться проникнуть, но эту личность нельзя описать. Личность Сталина можно понять, но ее нельзя объяснить.

Компетентный читатель уже уловил, что, противопоставляя понимание объяснению, я в неявном виде ввожу в число создателей того метода, который применяют авторы этой книги, Вильгельма Дильтея (1833–1911), который противопоставил естественным наукам науки о духе. Дильтея назвал естественнонаучный метод объяснением, а метод, применяемый науками о духе, — пониманием. Дильтея в своей «Философии жизни» утверждал, что жизнь в принципе ускользает от любых объяснений и раскрывается только в ответ на любовное понимание. И что, соответственно, понимание чего-нибудь, имеющего отношение к жизни (а что может иметь к ней большее отношение, чем внутренний мир человека вообще, а такого человека, как Сталин, в особенности?), основано на том, что исследователи творчества Унамуно иногда называют художественно-философским дискурсом. Тут главное — художественность, вводимая в серьезную философскую мысль.

Я уже обратил внимание читателя на то, что Мартин Хайдеггер называл примерно такую художественно-философскую методологию понимания «аналитикой бытия». И мне кажется естественным назвать метод Унамуно, основанный на интраистории, художественно-философским аналитическим методом. Именно аналитическим методом, а не дискурсом.

Если, конечно, под аналитикой иметь в виду целостную аналитику, апеллирующую, в том числе, и к интраистории Унамуно, и к бытийности в хайдеггеровском ее понимании. В чем специфика такой аналитики, и почему она так нужна именно в случае Сталина?

Предположим, что вы располагаете не просто дневниками интересующей вас личности, не просто интимно-личной перепиской, в которой обсуждается высокая и сокровенная мировоззренческая проблематика, а прямо-таки исповеданиями. Значит ли это, что вы, образно говоря, ухватили бога за бороду и теперь можете радостно начать препарировать безусловный материал, превращая его в те или иные рациональные построения? Нет, конечно. Я бы даже дважды повторил: нет и еще раз нет.

Первое «нет» относится к тому, что подлинная исповедальная открытость не может быть переведена ни на какой рациональный язык. Она при таком переводе умирает. Пушкинский Сальери, описывая трудность своего творческого пути, говорил: «Звуки умертвил, Музыку я разъял, как труп. Поверил Я алгеброй гармонию». Совершенно ясно, что применив этот метод, Сальери познал труп музыки, а не музыку. И что каждый, кто будет «поверять алгеброй гармонию», познает труп. В особенности это касается тех, кто алгебраически будет препарировать личные переписки и дневники. Тут нужна специальная герменевтика, феноменология, экзегетика в ее духовном и светском варианте. Всё что угодно — только не сухое рациональное препарирование.

Уже поэтому метод сухого препарирования не может быть применен в сфере предельной субъективности. Применять его надо к фактам, то есть к объективному. К тому, когда Цезарь переходил Рубикон, когда Наполеон атаковал Аркольский мост. Не только великий Плутарх, создавая свои «Сравнительные жизнеописания», но и блистательный академик Тарле, создавая свои биографии Наполеона, Талейрана, Фуше, были уверены в том, что они являются учеными, создающими рациональные модели, сообщающими читателю нечто предельно объективное

и в этом смысле историческое. Но так ли это было на деле?

Тарле, когда писал о Наполеоне, влюблялся в него и с позиции подобной влюбленности проклинал Фуше и Талейрана.

Потом он влюблялся в Фуше и проклинал Талейрана.

Потом он влюблялся в Талейрана и проклинал Фуше.

Попробуйте, поймите что-нибудь даже в сведениях Тарле, не используя этого самого конфликта интерпретаций, который в случае Тарле не является конфликтом между Тарле и другими исследователями. Он является конфликтом внутри исследовательской личности самого как бы рационального Тарле.

Между тем на пути рационального описания прямой достоверной исповедальности есть и второе «нет». У великого немецкого писателя Томаса Манна есть великолепное произведение «Признание авантюриста Феликса Круля». Это исповедь Феликса Круля, в которой нет ни слова правды. Просто ни слова. Манн специально сделал так, чтобы ни одного слова правды не было. Более того, Манн настаивает (и он полностью прав), что такой же лжеисповедью является и восхищавшая его «Скучная история» Чехова, в которой исповедующийся перед смертью профессор непрерывно лжет, и, конечно же, «Записки из подполья» Достоевского, автор которых прямо говорит: «Даже вот что тут было бы лучше: это — если б я верил сам хоть чему-нибудь из всего того, что теперь написал. Клянусь же вам, господа, что я ни одному, ни одному-таки словечку не верю из того, что теперь настроил! То есть я и верю, пожалуй, но в то же самое время, неизвестно почему, чувствую и подозреваю, что я вру как сапожник».

Сколько подводных камней есть в исповедях, если, конечно, речь не идет об исповедях раскаивающихся простых людей! Тут и самораскрытие как форма ускользания от правды о себе, и неискренность, возникающая в момент, когда клянешься быть абсолютно искренним и даже рвешься к подобной искренности.

Когда Зигмунд Фрейд и его последователи назвали свой метод не психологией, а психоанализом, что они имели в виду? То, что их пациент, рассказывая о себе, будет лгать, что он не может не лгать. И их задача не верить ему, а подвергать его высказывания анализу, отделяя в них зерна от плевел. Достижения фрейдовского психоанализа для представителей Школы целостного анализа крайне проблематичны. А вот фрейдовское утверждение о том, что любые, даже исповедальные высказывания, требуют аналитики, — представляются нам очень и очень ценными.

Может ли рациональность эффективно использоваться в случае, если мы включаем в свою аналитику интраисторический контекст Унамуно?

Сам Унамуно утверждал, что интраистория представляет собой таинство, творимое народом в глубинах народной жизни. Унамуно настаивает на простоте и незатейливости этого таинства, творимого народом в гуще его повседневности и одновременно к этой повседневности несводимого. Усталые крестьяне возвращаются с полевых работ — и вдруг рождается песня. Сама по себе песня хороша и не более того. Но что-то в ней есть особенное. И это особенное творит интраисторию. Ну и где тут место рациональности? Очевидно ведь, что в этом случае место для герменевтики и феноменологии есть, а для рациональности нет. Но это не значит, что нет места для специфического раскрытия предмета, которое Гуссерль потому и назвал иррациональным, что слишком уж вопиющей оказалась несводимость познания к рациональности.

Мигель де Унамуно. 1921

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 4–7

Утверждение Унамуно о таинстве интраистории и необходимости духовного, а не рационального ее познания можно сопоставить с тем, что утверждал наш великий поэт Лермонтов, говоря о своей любви к России. Право, стоит вспомнить эти привычные строчки и проанализировать их. Лермонтов вначале говорит о классической истории, той, которую Унамуно называл экстраисторией, противопоставляя ее рациональности таинству интраистории. Лермонтов начинает свое стихотворение с заявления о своем равнодушии к экстраистории, о странности, то есть сопричастности иррациональному таинству своей любви к Родине:

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.*

Странная любовь, противоречащая рассудку, который, между прочим, хочет эту странную любовь победить. Притом что победить — значит погубить. Согласитесь, мы здесь буквально сталкиваемся с тем, что Унамуно говорит о конфликте рассудочной экстраистории и отвергающей рассудочность интраистории. Читатель скажет, что в моих рассуждениях есть натяжка и что Лермонтов говорит не об интраистории, а о чем-то гораздо более упрощенном? Ну что ж, давайте продолжим чтение Лермонтова, который в следующих строчках буквально перечисляет не волнующие его экстраисторические слагаемые обычной истории. Да еще и говорит о том, что эти слагаемые не шевелят в нем того, что может расшевелить лишь таинство. Вот что Лермонтов говорит об экстраисторических величинах, перечисляя их одну за другой:

*Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.*

Заметим, что Лермонтов не говорит, что ему безразличны перечисляемые великие экстраисторические величины. Он только говорит, что они — все эти славные дела и их благие последствия — не вызывают в нем «отрадного мечтанья». Притом что отрадное мечтанье для Лермонтова — это отклик, оно же — реакция на нечто более важное, чем славные дела, на нечто, творимое народной душой в единстве с природой, ландшафтом, жизнью человеческой, слитой воедино с природой и ландшафтами во всем этом творимом как бы походя, а на самом деле — сущностно.

Лермонтов улавливает интраисторическое таинственное начало, спрятавшееся в простоте жизни, но просвечивающее через эту простоту. Этот свет и то, что является его источником, для Лермонтова еще важнее славных дел, которыми он, повторяю, не пренебрегает (вспомним лермонтовское «Бородино»).

Более того, Лермонтов уверен, что именно источник этого света, он же — энергия, исходящая от интраисторического таинства, творит и Бородино, и многое другое. Вначале это таинство, а потом — великие деяния как его результат. Вот модель Лермонтова, загадочным образом совпадающая с моделью Мигеля де Унамуно. Разные творческие личности, разные культуры, разные эпохи, разные языки, а модель — одна и та же.

Далее Лермонтов подробно перечисляет всё, что рождает в нем отрадное мечтанье не само по себе (Лермонтов уж никак не певец крестьянского быта), а в силу своей озаренности светом интраисторического таинства. Вспомним, что он перечисляет, заявляя при этом, что он не знает, за что он это любит. Он это любит — и всё.

Любовь, которую не понимаешь и не можешь объяснить, всегда порождает таинством, творимым внутри того, что ты любишь. Ты это таинство не видишь, но чувствуешь. Точнее, ты чувствуешь эманации таинства тогда, когда они вливают

свою трансцендентность в нечто простое, реальное, безусловное. Вот как об этом говорит Лермонтов:

*Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о почлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.*

Об этих огнях печальных деревень, знакомых всем, кто ночью ехал по степям Центральной России, писали многие. И они писали о них как о таинстве. Чехов, например, посвятив этому таинству отдельный рассказ «Огни».

Студент барон фон Штенберг, глядя на ночные огни в степи, говорит: «Знаете, на что похожи эти бесконечные огни? Они вызывают во мне представление о чем-то давно умершем, жившем тысячи лет тому назад, о чем-то вроде лагеря амалекитян или филистимлян. Точно какой-то ветхозаветный народ расположился станом и ждет утра, чтобы подраться с Саулом или Давидом».

Инженер Ананьев, спорящий с бароном фон Штенбергом, знакомит читателя с содержанием этого спора: «Барону эти огни напоминают амалекитян, а мне кажется, что они похожи на человеческие мысли... Знаете, мысли каждого отдельного человека тоже вот таким образом разбросаны в беспорядке, тянутся куда-то к цели по одной линии, среди потемок, и, ничего не осветив, не проявив ночи, исчезают где-то — далеко за старостью...»

Бесконечная волнительность этих огней ничуть не уменьшается от того, что ты можешь задать себе разумный вопрос о том, а почему, собственно, они должны тебя так волновать и что в них особенного? Ты понимаешь, что твоё волнение связано с тем, что за этими огнями стоит какое-то таинство. Но что тебе дано только видеть наложение этого таинства на сирые избы, в которых окна чуть светятся. Или на полыхающие сполохи...

Развивая свою мысль, Лермонтов перечисляет уже совсем конкретные вещи, которые вызывают у него отрадное мечтанье именно потому, что озарены эти вещи чем-то особенным.

*Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно.*

Перечислив эти отрады, которые для почвенника-бытописателя имеют один смысл, а для Лермонтова с его мистикой бытия (она же — наша аналитика бытия) — другой, Лермонтов наконец вводит человеческий фактор в то, что озарено неким таинством.

*И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.*

Почему Лермонтов готов на это смотреть до одури? Он совсем не ко всему, связанному с бытом, так относится. Его быт часто томит. Достаточно вспомнить его «Тамань». Но в том-то и дело, что, исповедуясь в странной любви к России, он живописует не быт, а таинство.

Это таинство рождает историю, являясь интраисторией. Постигнуть это таинство может только особая аналитика, которую Хайдеггер называл «аналитикой бытия». Подчеркиваю, не быта, а бытия. В основе этой аналитики лежат не сухие

научные понятия, а некие особые образы и даже символы. Аналитика бытия, как и историческая аналитика, не существует без аналитических образов и даже аналитических символов. В этом ее особое отличие от классической науки, оперирующей только понятиями. И Унамуно, и Хайдеггер, и Дильтей, и Бергсон, и Лермонтов, и Блок, и Тютчев, и многие другие убеждены, что таинство интраистории (она же — блоковская музыкальность, она же — тютчевское «умом Россию не понять») существует. И что великие загадки истории надо разгадывать, пытаясь соединиться с этим таинством и его источником. То есть что разгадывать их надо не научно, а аналитически, используя аналитические образы, символы и всё остальное. Словом, всё то, что делает обычный философский метод — философско-художественным.

Унамуно говорил: «У меня болит Испания». Предлагаю читателю сравнить это с фразой Блока «О Русь моя, жена моя». Но Блок — художник в первую очередь и во вторую очередь — философ. А Унамуно — прежде всего философ.

Как философ Унамуно не может не создавать тех фундаментальных противостояний (дихотомий), внутри которых формируется творческий метод. Для Унамуно такие противопоставления — это подлинное и неподлинное, вечное и преходящее.

Вечным при этом для Унамуно является его интраистория вообще и интраистория его любимой Испании. Унамуно черпает надежду на обновление Испании в том, что ее интраистория представляет собой нечто вечное, способное повлиять на временное. Для Унамуно испанская историческая нация как носитель экстраистории — мертва. А испанский народ как носитель интраистории — жив.

Сокровенным ядром для всяческой историчности Унамуно является именно интраистория. А экстраистория — это периферия. Столь же мертва для Унамуно цивилизация: испанская и любая.

Живым же началом, противостоящим этой мертвечине, является культура. И опять же налицо связь между представлениями Унамуно и Блока. Неважно, кем и как опосредуется эта связь: иррационализмом великого философа-интуитивиста Анри Бергсона (1859–1941) или иррационализмом Артура Шопенгауэра (1788–1860). Важно, что музыкальность Блока и оживляющая цивилизацию иррациональность культуры заменяют собой некую перекличку, в основе которой — предчувствие губительности всего механического, что несет с собой так называемое Новое время.

Унамуно хочет беседовать с интраисторией Испании, а Блок — с русской прекрасной незнакомкой... Авторы исследования, предисловие к которому я пишу, хотя так же побеседовать со Сталиным. Что ж, во всех этих случаях речь идет о проникновении в сокровенное и о расшифровке этого сокровенного. Причем и в основе проникновения, и в основе расшифровки лежит любовное понимание как нечто противостоящее сухой объективности. Сумели ли авторы исследования это сделать — решит читатель.

Сталинская радиоистория ушла вместе со смертью вождя. Вождь унес в могилу тайну своей исторической рациональности. Но сталинская интраистория оставила после себя нечто, имеющее отношение к вечному. Этот осадок на дне исторического сосуда продолжает жить и ворожить. И именно к нему обращаются авторы, используя метод исторической аналитики, он же — метод метагерменевтики, он же — целостный анализ.

Историческая наука может и должна исследовать объективное, и в том, что касается этого исследования, она, конечно же, незаменима. Но для исследования субъективного, не исторических напитков, так сказать, а интраисторических осадков на дне сосуда, нужен другой метод, который

не оторван до конца от истории и не сводится к ней. Этот метод авторы используют, добываясь определенного результата.

Целостная аналитика — это особый интеллектуализм, не сводимый к научному рационализму. Но это, безусловно, интеллектуальный исследовательский метод. Авторы исследования заняты прочтением высказываний, которые или невняты (таковы, например, юношеские стихи Сталина), или сознательно искажены, причем определенным образом.

Авторы надеются, что избавление самых странных текстов о Сталине от целенаправленных искажений, выявление типа искажений, природы искажений — может в итоге раскрыть какую-то правду, выявляемую, в том числе, и через конфликт интерпретаций. Только целостная аналитика такого конфликта дает шанс на раскрытие чего-то значимого в случае, если бал правит ее величество мистификация. А в случае Сталина правит бал она и только она.

Ценность исследования — в том, что авторы не отбрасывают, а анализируют мистификации, рассматривая их как сигналы, исходящие от каких-то источников и несущие в себе какую-то сокровенную цель, какой-то потаенный смысл. Какой именно?

Ценность исследования — в том, что это не классическая биография, а именно целостная аналитика биографических сведений — сведений смутных и в разной степени достоверных, а иногда и абсолютной недостоверных. Разве только достоверные сведения используют те, кто с помощью экзегетики изучают духовные истории, такие, например, как история о Тесее или Геракле? Но ведь их изучают. И очень тщательно. Притом что с рациональной точки зрения тут изучать нечего. Но именно иррациональное изучение (в том значении иррациональности, которое использует Гуссерль) дает определенный позитивный результат, дает определенное, пусть и не рациональное, знание.

Пока Сталин был у власти, его достаточно сухо и примитивно славословили. При Хрущеве его прокляли. При Брежнев начали потихоньку сдвигаться от проклятий к невнятным и малосодержательным похвалам. При Горбачеве и Ельцине его поносили, как исчадие ада. Именно эти поношения обрушили страну. А потом оказалось, что Сталин — самая популярная фигура в постсоветской России. В постсоветской рыночной России, понимаете? А что диктует рынок? Чем популярнее фигура, тем выше спрос на всё, с нею связанное. А поскольку в постсоветском обществе спрос, мягко говоря, неразборчив (а на самом деле антикультурен, антиисторичен, деструктивен и регрессивен), то на-гора выдано огромное количество разноразличного сырья. Внутри этого сырья есть крохи чего-то ценного. Но их надо отделить от всего остального.

Маяковский утверждал:

*Поэзия —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в годы труды.
Изводишь
единого слова ради
Тысячи тонн
словесной руды.*

Авторы того, что я называю исследованием в жанре целостной аналитики, аналитической истории, аналитики бытия и так далее, применили свой метод для того, чтобы с его помощью, опираясь на конфликты интерпретаций, соприкасаясь с тем, что именуется героическим безумием, погружаясь в сомнительное и выныривая из него, добыть граммы существенного, переработав тысячи тонн исторического, полуисторического, псевдоисторического и антиисторического материала.

Убежден, что читатель оценит это их деяние по достоинству.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Мария Rogozina

Иосиф Сталин — биография или агиография?

Любое исследование возможно в условиях, когда у исследователя есть карта и компас.

Карта — это сведения о том, что сделано уже другими исследователями, что можно задействовать помимо того, что уже использовано ранее. Для историка, например, это свидетельства, добытые из документов, найденных в архивах. А если все архивы многократно сфальсифицированы с разными целями? Что тогда?

Компас — это цель исследования. Нельзя проводить исследования всего, блуждая по всей созданной карте. По этой карте всегда намечается та или иная трасса, и в пути добиваются чего-то, сообразуясь с имеющимися возможностями.

Компасом для нас является попытка собрать крупицы какой-то правды об определенном — раннем — периоде жизни Сталина.

Нас, конечно же, интересует не эта правда сама по себе, а ее возможное влияние на идентичность постсоветского человека. Но, проводя исследование, нельзя все время думать о желанных результатах. Надо идти по определенному маршруту, добываясь искомой правды. И вот тут-то и встает вопрос о том, что это за правда, какова она, возможна ли она в принципе, каково ее качество, если она возможна.

Когда начинаешь заниматься темой, которой занимались очень многие исследователи, обладавшие и большей компетенцией, и большими возможностями, задаешься вопросом о том, какова должна быть твоя лепта в изучение такой темы. Или, используя строгую научную терминологию, в чем новизна, а заодно и актуальность проводимого исследования. Пытаясь дать ответ на этот вопрос, говоришь себе: «Есть опытные, высококвалифицированные и высокоодаренные следователи — да-да, не исследователи, а следователи, которые поднаторели во всем, что касается обнаружения преступника по оставляемым им следам. Эти следователи блестяще владеют всеми известными методами расследования, у них есть свои открытия в этой области, к их услугам разного рода лаборатории... Но что они будут делать в том случае, если преступник или не оставляет следов, или стирает их полностью? Если нет следов, то что даст дедукция Шерлока Холмса или суперсовершенная криминологическая лаборатория?»

Это сравнение проводится не потому, что Сталин нами рассматривается как преступник. Для нас Сталин — выдающийся советский политический деятель, Верховный Главнокомандующий армии, победившей нацизм. Но это сравнение необходимо для того, чтобы подчеркнуть разницу между теми, кто ведет расследование чего угодно, исходя из наличия определенных следов, и теми, кто убежден, что все следы или стерты, или носят заведомо ложный характер. Иначе говоря, речь идет о разнице между теми, кто исследует нечто, и теми, кто вдруг обнаруживает, что, по большому счету, им предстоит исследовать ничто.

Мы не хотим сказать, что после Сталина не осталось никакой информации. Какие-то крохи остались, но их так ма-

Уильям Хогарт. Время окурирует картину. Около 1761

ло, и они настолько раздавлены массивом ложных сведений, что впору говорить о применении особого метода, метода исследования ничто. И что новизной, да и актуальностью заодно может быть именно применение такого метода. «Но весь объят ты будешь пустотой», — говорил Мефистофель Фаусту. Когда начинаешь исследовать Сталина, то вдруг понимаешь, что ты объят именно такой пустотой. И удивляешься тому, что другие исследователи этого как бы не ощущают.

Когда удивление проходит, понимаешь причину, по которой это ощущение пустоты, это столкновение с нестандартным объектом по имени ничто отсутствует у других исследователей. Понимаешь, что оно отсутствует у них именно в силу опытности, в силу того, что они обусловлены собственным исследовательским мастерством, зависят от него. А когда зависишь от мастерства, связанного с объектом под названием нечто, то даже видя объект под названием ничто, отмахиваешься от экзотичности нового объекта и говоришь себе: «Я буду с ним работать так, как если бы это было нечто. Потому что по-другому я работать не умею. Да и в принципе по-другому работать нельзя. Поэтому я сделаю вид, что никакой разницы между биографией Наполеона, Черчилля, Рузвель-

та и Сталина нет. И даже если я буду понимать, что эта разница есть, я всё равно сделаю вид, что ее нет, потому что в противном случае весь набор моих классических профессиональных возможностей должен быть отброшен, а я отождествляю себя с этим набором и на то, чтобы его отбросить, никогда не соглашусь».

Когда всё это понимаешь, то возникает дерзкая мысль: «А что если поработать с объектом под названием ничто, не превращая этот объект в нечто? Что, если начать исследовать пустоту, не делая вид, что она чем-то заполнена? Ведь есть же физики, которые исследуют физический вакуум, не превращая его в физическую субстанцию. Так почему нельзя исследовать исторический вакуум, не превращая его в историческую субстанцию?»

Такая дерзкая мысль не только не отменяет необходимости знакомиться с чужим исследовательским опытом, а, наоборот, требует наиболее тщательного ознакомления. Хотя бы потому, что только наблюдая за тем, как ничто ведет свою игру с теми, кто исследует его как нечто, начинаешь сталкиваться с этим ничто.

Поэтому в данной части исследования будет говориться о том, что представляют собой попытки изучения личности Сталина, осуществленные теми, кто убежден, что оперирует определенным объемом

более или менее объективных сведений. Обзор таких попыток даст нам и карту, и возможность обнаружения белых пятен под слоями различных красок, наложенных на сомнительную фактуру различными очень уважаемыми нами исследователями.

Предвижу, что такое указание на своеобразии метода кому-то покажется оправданием собственного произвола. И что жас могут спросить: «Вы что же, хотите опираться не на строгие биографические выкладки блестящих профессионалов, а на данные спиритических сеансов, на которых вызывают дух Сталина?»

Конечно, мы не хотим опираться на данные спиритических сеансов. Но чтобы до конца прояснить наше понимание тушиковости ситуации, ответим на такой иронический вопрос иронически. И скажем: «Если данные спиритических сеансов могут сообщить что-то существенное с вероятностью одна миллиардная, то данные суперпрофессиональных историков из Института марксизма-ленинизма, предлагавшиеся советскому обществу в конце 30-х или начале 50-х годов XX века, отражают правду просто в нулевой степени. Поэтому данные спиритических сеансов правдивее этих данных суперпрофессиональных историков. Историки же эти сообщают по поводу Сталина то, что им приказано. Им прикажут дать одну лживую трактовку роли Сталина (например, в обороне Царицына) — они дадут эту трактовку, прикажут дать обратную — они дадут обратную. Они высокопрофессионально соорудят заказанную им ложь — со знаком «плюс» или со знаком «минус». И если мы хотим заниматься личностью Сталина, то должны добывать правду из нескольких модификаций лжи».

Но разве в ином положении находится, например, историк, работающий с архивами инквизиции? Ведь эти архивы дают ценнейший исторический материал. И что с того? Мы будем называть правдивыми все показания, даваемые под пытками? Значит, мы должны специальным образом извлекать правду из того, что правдой заведомо не является. Мы должны становиться не специалистами по данным как таковым, а специалистами по данным, даваемым под пытками. Но работа с такими данными — это другая профессия.

Квантовая механика возникла тогда, когда была произведена философская и методологическая ревизия понятия «точные данные». Творцы квантовой механики отказались от понятия точности как такового, заменив его вероятностным подходом. Это был мучительный отказ, и кое-кто, включая Альберта Эйнштейна, с таким отказом так и не согласился. Между тем на основе этого отказа, осуществленного на основе философских построений Маха и Авенариуса, были получены новые ценнейшие сведения, а на основе этих сведений создана сложнейшая техника. И она не была бы создана, если бы у кого-то не хватило смелости отказаться от понятия объективности в ее классическом понимании.

Продолжение на стр. 10

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 9

Для начала мы предлагаем хотя бы классифицировать разновидности лжи, отпечаток которой лежит на тех или иных данных о Сталине. И признать, что есть:

- предвзятость эпохи прижизненной апологетики;
- предвзятость эпохи хрущевской хулы на Сталина;
- предвзятость эпохи брежневских попыток исправить хрущевскую ложь и вернуться к дохрущевской апологетике;
- вопиющая перестроечная предвзятость, она же — «разоблачение сталинщины»;
- предвзятость постперестроечной эпохи, развивающая перестроечную ложь;
- предвзятость борцов с перестроечной и постперестроечной ложью, убежденных, что клеветнический клин надо выбивать апологетическим антиклином;
- предвзятость ЦРУ и других спецслужб, ведших холодную войну;
- предвзятость с обратным знаком (которая опять же является антиклином, призванным выбить клин), осуществляемая нашими работниками идеологического фронта, искренне считающими, что они так должны участвовать в холодной войне;
- предвзятость врагов Сталина, реализовавших свои справедливые и несправедливые претензии к нему в ущерб правде. Таковы, например, Троицкий или жертвы сталинских репрессий;
- предвзятость наших спецслужбистских или околоспецслужбистских игроков, готовивших перестройку;
- предвзятость рыночного характера, которая требует от авторов сенсационности во имя коммерческого успеха;
- предвзятость в духе фэнтези, фейка или конспирологии, в которой глубокая человеческая неадекватность причудливо переплетается с заказом и ориентацией на своего, помешанного в ту или иную сторону читателя.

Мы не должны отказаться от рассмотрения всего предвзятого материала, а признать его предвзятость и начать сложным образом извлекать правду из этой предвзятости.

Мы не должны отвергать принцип вживания в личность, отстаиваемый определенными историческими школами и отвергаемый другими школами, а признать, что в нашем случае он является обязательным.

Мы должны верить наши сведения этим вживанием, постоянно задавая себе вопрос, как могла и как не могла поступить личность с такими свойствами, личность, безусловно, очень крупная, очень волевая, очень доминантная, очень талантливая, очень аскетичная и так далее.

Мы должны особо ценить крупницы какой-то достоверности, рождаемой участием свидетелей в апологетических или дискредитационных играх. А также тем, что даваемые такими людьми свидетельства появились на свет божий очень поздно — тогда, когда основные дискредитационные или апологетические игры уже не были предписаны всем с предельной категоричностью.

Мы должны признать, что в случае Сталина приходится разбираться не только с отличиями фальшивок от архивных ма-

териалов, но и со всеми видами подчисток и подделок архивов.

Что мы тем самым находимся не в мире классической истории, аналогичном миру классической физики, а в некоем зазеркальном историческом мире, аналогичном квантовому миру, который не зря назвали странным. И что мы должны научиться разговаривать на языке этого зазеркального мира, правильно трактовать сигналы, получаемые оттуда и так далее. Но для того, чтобы это делать, надо, прежде всего, признать сам феномен Зазеркалья, то есть сменить исследовательский подход. Возможно ли это? Мы убеждены, что возможно. Если, например, враги Сталина отвергают определенные негативные сведения о том, кого они ненавидят, то это существенно. Если апологеты пропускают апологетические сведения, то это тоже существенно. Признав, что мир странен, мы начнем странным образом искать в странном мире странную истину.

Вкратце оговорив такие методологические аспекты, перейдем к рассмотрению всего материала, чтобы применить только что заявленный методологический принцип.

Изучением личности Сталина, созданием его психологического и политического портрета, подробным рассмотрением отдельных периодов жизни Сталина занимались многие исследователи. И поэтому можно говорить о том, что Сталин исследовался историками более тщательно и многопланово, чем другие крупные политики, — такие, как Наполеон или Цезарь. Налицо как бы отдельное направление в советологии, она же — политическая история СССР.

Но, во-первых, советология — это не вполне обычная политическая история некоего государства на определенном периоде его существования. Советология — это важнейшее направление стратегии холодной войны. То есть войны, в которой и история советского государства вообще, и история отдельных фигур, сыгравших существенную роль в жизни этого государства, подлежат целенаправленному и последовательному многомерному искажению. Задачей советологии является не понимание СССР, а уничтожение СССР путем создания у советских граждан превратного представления о собственной истории.

Особо важным разделом советологии является сталиноведение, то есть описание личности Сталина, призванное демонизировать этого политика и с помощью этой демонизации нанести беспощадный удар по ценностям советских граждан, по всему, что можно назвать их советской идентичностью.

История всегда была и будет заложницей политики в большей или меньшей степени. Но она никогда не была заложницей политики в такой степени, в какой ее сделали такой заложницей архитекторы холодной войны и те наши соотечественники, которые согласились стать исполнителями планов этих архитекторов.

Казалось бы, Советский Союз распался, и задача архитекторов холодной войны блистательно выполнена. Но все мы видим, что холодная война продолжается и даже ужесточается. Потому что она изначально была замыслена и развязана не только для распада СССР, но и для ликвидации России. Соответственно, и образ Сталина продолжает оставаться заложником ведущей холодной войны.

Во-вторых, можно обсуждать масштаб кровавости деяний, совершенных Сталиным на посту руководителя советского государства, сопоставлять эти деяния с деяниями других личностей (Наполеона или Мао Цзэдуна). Но то, что Сталин пролил много крови, — несомненно. В силу этого образ Сталина искажается не только воинством холодной войны, но и теми, кто в большей или меньшей степени продолжает мстить человеку, который поломал жизнь той или иной семьи, а значит, и жизнь того, кто вершит это запоздалое отмщение.

В-третьих, Сталин в постсоветской России стал крайне популярен. Эта популярность порождена логикой «от противного»: «Если вы его проклинаете, то мы, ненавидя вас, начинаем им восхищаться потому, что вы его проклинаете». Рост популярности Сталина не может не вызывать тревоги у сил, для которых вопрос об отношении к Сталину тесно сопряжен с вопросом о сохранении существующего постсоветского устройства жизни, то есть того, что можно с натяжкой назвать «постсоветским капитализмом».

В ходе создания этого капитализма сформировались группы, которые воюют со Сталиным не потому, что им приказывает Запад, а потому что таковы их экономические, а значит и политические, интересы.

Но все эти причины, увы, не исчерпывают препятствий, стоящих на пути исследования личности Сталина.

Главными препятствиями являются сам Сталин и его политическая система. Сталин был очень скрытным человеком, и он совершенно не хотел, чтобы кто-то позволял себе копаться в его личной истории. А политическая система, созданная Сталиным, давала возможность наполнить реальным смыслом эту скрытность Сталина, превратить ее в тотальное истребление всего, что как-либо соотносится с такой нежеланной для вождя правдой. Система выкорчевала всё, что позволило бы при проведении исследований личности Сталина опереться на какой-либо фактический материал. Сталин не вел дневников. Его личная переписка тоже дает крайне скудные сведения, потому что он субъективно крайне скрытен и не желает кому-либо в чем-либо исповедаться. Потому что у него нет тех, кому бы он мог исповедаться. Потому что он сначала революционер, а потом — властитель. А такие роли одинаково не предполагают исповеди.

При этом всё, что могло бы быть использовано для раскрытия личности, искренено тщательно и свирепо самим Сталиным и его системой. Нельзя упрекать в этом ни Сталина, ни систему. И Сталин, и система понимали, что любая исповедь будет использована врагами, превращена в деструктивный миф, вывернута наизнанку. Но скрытность Сталина шла дальше: он не хотел не только прикосновений тех или иных врагов к сфере его интимности, к его личному миру, он не хотел и прямо противоположного — того, чтобы подобные вещи начали смаковать дворцовые лизоблюды.

Скрытность Сталина породила скудность материала о его личности, а специфика эпохи привела к тому, что было искоренено и то скудное, что имелось.

В результате мы обречены в существенной степени гадать на кофейной гуще. Для нас проблемно установить даже год рождения Сталина. А также всё, что можно назвать опорными безусловными данными. В случае Сталина ничто не является безусловным, и впору задать себе вопрос, возможно ли вообще создание полноценной, достоверной биографии Сталина, или же мы должны в данном случае говорить не о биографическом, а об агиографическом методе.

В узком смысле слова агиография (от греческого «агио» — «святой» и «графо» — «пишу») — это богословская дисциплина, изучающая жития святых. Но здесь мы используем это слово расширительно, имея в виду, что возможен целый класс исследовательских работ, в которых даются ценные сведения о некоем лице — реальном или легендарном — но эти сведения не всегда относятся к классу тех, которые можно называть историческими в строгом смысле этого слова.

Политическая агиография — это сплав объективных исторических сведений, аналитики конфликтов по поводу тех или иных моментов жизни и деятельности того или иного лица, выявляющая нечто значимое, хотя и проблематичное, и наконец,

аналитика всего того легендарного, что имеет под собой определенную политическую почву. Легенды всегда создаются зачем-то, кем-то. И выявление создателя легенд может косвенным путем предоставлять нам определенные параобъективные сведения. Которые, конечно же, намного хуже сведений, получаемых в случае, если ты вдруг заполучил личный дневник Сталина. Но которые приобретают значимость в случае, если личных дневников нет и не может быть, а все материалы, включая архивные, вопиющим образом искажены.

И наконец, агиография является для нас бессмысленной метафорой проводимого исследования (то есть своего рода метафорическим компасом) еще и потому, что она сильнее, чем обычная история, ориентирована на духовность. То есть на то, что можно назвать внутренним мессианским посылом, а можно назвать реальным тонким воздействием на историю, а значит, и на творящую ее личность. И дело тут даже не в том, имеет ли место подобное тонкое воздействие, а в том, верит ли в него та или иная личность. Потому что эта вера становится неотъемлемой частью жития данной личности.

Меньше всего мы хотим говорить о святости Сталина. Хотя известно, что в определенных российских православных церквях уже появились неканонические иконы Сталина, а, как говорят в таких случаях, еще не вечер. Но это не наш путь и не наше представление о ценности.

Мы всего лишь говорим об особом, житийном жанре исследования личности Сталина — потому что другой, гораздо более желанный для нас строго исторический метод, как нам представляется, невозможен.

Мы сохраняем верность историческому методу и приближаем наше житийственное и в этом смысле агиографическое исследование к биографическому настолько, насколько это возможно. Но мы знаем, что биография невозможна. И что попытка игнорировать эту невозможность удаляет нас от истины дальше, чем ее признание.

Таков наш исследовательский компас.

Теперь о карте — то есть используемой системе того, что в менее сложном случае можно было бы назвать историческими источниками, а в случае Сталина, увы, приходится называть источниками агиографическими (в том расширительном смысле слова, который оговорен выше).

Еще раз подчеркнем, что ни воспоминания его близких и знакомых, хранящиеся в архивах, ни тем более мемуарная литература не могут нам ничего точно сказать о его личности. При жизни Сталина в обществе доминировало то, что потом назвали культом личности. После XX съезда началось так называемое развенчание культа личности. И в первом, и во втором случае объективность приносилась в жертву тому или иному идеологическому заказу.

При жизни Сталина имел место не только идеологический заказ на восхваление отца народов, но и нечто другое. Это «другое» Александр Трифонович Твардовский назвал «славой имени». В поэме Твардовского «За далью даль» говорится о славе имени Сталина, неразрывно связанной с подвигами народа. О том, что

*...Страна, держава
В суровых буднях трудовых
Ту славу имени держала
На вышках строек мирových.*

*И русских воинов отвага
Ее от волжских берегов
Несла до черных стен рейхстага
На жарком темени стволоч...*

По этой причине всё, что связано со Сталиным, не просто подвергалось тенденциозной идеологической переработке, производимой раболепствующим официозом, но и окутывалось туманом стихийного народного почитания. Происходила

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

прижизненная сакрализация образа, различные эпизоды биографии приобретали характер легенд. В итоге создавался причудливый сплав, внутри которого не оставалось никакого места для истины.

В последующие периоды этот же сплав подвергался дальнейшей переработке. Официоз выполнял новый заказ и клеветал на Сталина. А в обществе рождались новые и новые легенды: как со знаком «плюс», так и со знаком «минус».

В итоге реальная жизнь Сталина оказалась превращена в сплав мифов, лживых восхвалений и столь же лживой клеветы. Как прорваться к истине, если она окутана подобным туманом? И можно ли это сделать, не занявшись легендами о Сталине, не сделав их предметом особого рассмотрения?

Легенд о Сталине много.

Существуют легенды о семье «чудесного ребенка» в разных вариациях: или «чудесный ребенок» — сын простых родителей, или некоей княжны, или Пржевальского, связанного с Тибетом.

Существует определенная легенда о том, как и когда Сталин «повернул на путь спасения», то есть ушел в революцию, и какие муки (ссылки, каторги) на этом пути претерпел.

Есть легенда о его смерти.

В каком-то смысле определен некий жизнеописательный канон, который обычно соблюдается в житиях святых. Так что говорить о биографии Сталина нельзя. Можно говорить о специфической агиографии.

До сих пор не было и такой — достаточно подробной — агиографии. Мы рассматриваем нашу попытку ее создания как единственно возможный способ продвижения к истине.

При этом мы исходим из того, что вопиющее отсутствие объективности может быть в большей или меньшей степени преодолено только путем классификации необъективного — выделения степеней необъективности, форм необъективности и так далее. Возможно, в этом случае нам что-то откроется. Другого пути к истине в случае биографии Сталина нет и не может быть.

Так каковы же они — формы необъективности, псевдообъективности, апологетики, инсинуаций, мифологизаций и так далее?

Начнем с рассмотрения наиболее объективного.

Прижизненная апологетика

Еще до того, как Сталин в 1929 году пришел к власти, о нем вышел ряд биографических материалов.

Первый биографический очерк о Сталине увидел свет в 1923 году. Его автором стал корреспондент газеты «Правда», большевик Георгий Леонидович Шидловский. Очерк «Джугашвили Иосиф Виссарионович» был напечатан в «Материалах для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение от 1880 до 1905 г.» под редакцией Владимира Ивановича Невского. Тут следует отметить, что словарная статья накладывает на автора определенные ограничения: он не может составить ее со знаком «плюс» или со знаком «минус» — он нейтрален. Но для нас он дает некие первичные представления о жизни Сталина, показывает основные вехи его жизни: рождение, вступление в организацию, перемещения по стране, аресты, ссылки.

Даже в таком достаточно сухом историческом очерке можно найти интересные детали. Шидловский приводит малоизвестный факт, что Сталин одно время работал бухгалтером¹. Упоминание о работе Сталина бухгалтером можно обнаружить и в книге эмигранта Марка Алданова «Убийство Урицкого»², написанной в 1930

году. Правда, где именно он работал бухгалтером, в указанных источниках не говорится. Возможно, как утверждает Лев Троцкий, в Тифлисской обсерватории после исключения из духовной семинарии³.

1925–1927 годы для Сталина — это годы острой политической борьбы с оппозицией: Львом Троцким, Григорием Зиновьевым, Львом Каменевым. Естественно, что материалы, публиковавшиеся в это время, могли носить не апологетический характер, а малейшая зацепка использовалась противниками Сталина для его дискредитации. Например, для запуска слухов о работе Сталина на царскую охранку.

Так, в книге Севастия Талаквдзе «К истории Коммунистической партии Грузии» сказано, что в 1905 году меньшевики называли Сталина «агентом правительств, шпиком-провокатором»⁴. Этого оказалось достаточно, чтобы заронить в читателях сомнения по принципу «дыма без огня не бывает».

В декабре 1925 г., во время работы XIV съезда ВКП(б), на котором Львом Каменевым был поставлен вопрос о снятии Сталина с поста генерального секретаря ЦК ВКП(б), Закавказский краевой комитет ВКП(б) в газете «Заря Востока» напечатал два весьма специфических документа. Во-первых, это письмо Сталина В. С. Бобровскому от 24 января 1911 г., в котором Сталин называет острую борьбу блоков Ленина–Плеханова и Троцкого–Мартова–Богданова по вопросу о необходимости объединения с меньшевиками «бурей в стакане воды»⁵. В своей книге о Сталине Троцкий язвительно отметил: «Сталин явно льстит настроениям теоретического безразличия и чувству мнимого превосходства близоруких практиков»⁶.

В «Заре Востока» к тому же было опубликовано «Письмо начальника Тифлисского охранного отделения ротмистра Карпова», в котором сообщалось, что И. В. Джугашвили «в 1905 г. был арестован и бежал из тюрьмы»⁷. В очерке Шидловского этот арест не упомянут, что, как и любая недоговоренность, пыталось слухи о желании Сталина нечто сокрыть.

В 1927 году в энциклопедии Гранат вышел очерк, написанный Иваном Павловичем Товстухой, занимавшим пост первого помощника генерального секретаря ЦК РКП(б) И. В. Сталина. Естественно, этот очерк не мог быть не согласован с начальником Товстухи. В вопросе об арестах и ссылках автор зачем-то следует традиции «напускать туман». Об аресте Сталина в 1905 году в очерке упоминаний нет, точные сроки его ссылок не указаны. В тексте говорится, что из ссылки 1908 года в Вологодскую губернию Сталин бежит «через несколько месяцев», точно так же неопределенно время он пребывает в ссылках 1911 года, 1912 года и 1913 года. Зато в очерке подчеркивается рабочее происхождение Сталина: «По национальности грузин, сын сапожника, рабочего обувной фабрики Адельханова в Тифлисе, по профессии — крестьянина Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило»⁸. Кроме того, в очерке секретаря Сталина подробнее, чем в описании Шидловского, рассказывается о Тифлисской духовной семинарии, отмечается, что Сталин был исключен из семинарии за «неблагонадежность». Товстуха расписывает огромную работу Сталина в построении организации Закавказья, его заслуги в Гражданскую войну. Перед нами предстает не безликий Джугашвили Шидловского, а оформляющийся герой революции и будущий лидер советского государства — Иосиф Сталин.

К 1929 году Сталин, возглавлявший ВКП(б), окончательно разгромил оппозицию и фактически стал главой государства. С этого времени, соответственно, в советской печати нет и не могло быть ничего порочащего или задевающего его: все биографические сведения тщательно выверялись и согласовывались.

К заслуживающим внимания биографическим материалам этого времени можно отнести доклад первого секретаря Закавказского крайкома Лаврентия Берии «К вопросу об истории большевистской организации Закавказья» от 21 июля 1935 г., с которым он выступил в Тифлисе перед собранием партийного актива. Этот доклад интересен с точки зрения официальной информации о товарищах и наставниках Сталина — не только тех, с кем он начинал свою партийную работу, но и тех, с кем впоследствии боролся.

В 1937 году издательство ЦК ВКП(б) «Молодая гвардия» выпустило «агиографический» сборник воспоминаний «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине», в котором друзья детства и юности Сталина, его товарищи по политической борьбе рассказывают о его учебе в духовном училище, о работе Сталина на нелегальном положении в Батуме, Баку, Тифлисе. В книге Сталин предстает идеальным со всех точек зрения: серьезным, умным, бесстрашным, справедливым — настоящим народным героем.

В 1937 году была опубликована книга «Батумская демонстрация 1902 года», состоящая из воспоминаний товарищей Сталина по работе в Батуме — участников Батумской демонстрации на заводе Манташева. Отметим, что данной книгой пользовался Михаил Булгаков для написания своей известной, весьма апологетической пьесы «Батум»⁹. Участницу Батумской демонстрации 1902 года Наталью Киртава, чьи воспоминания также включены в эту книгу, некоторые биографы называют первой любовью Сталина.

В 1939 году советский партийный деятель, соратник Сталина Емельян Ярославский издал книгу «О товарище Сталине». Книга, надо сказать, примечательна. Она представляет собой краткое обобщение всех предыдущих публикаций, всех известных сведений официального характера, относящихся к политической биографии Сталина. Вдобавок, у Ярославского — пожалуй, впервые в советской печати — можно найти факты о юношеском увлечении Сталина поэзией, о его литературных предпочтениях.

В том же 1939 году, году шестидесятилетия Сталина, появилась его первая официальная краткая биография. Второе издание краткой биографии было опубликовано в 1947 году. Свои правки в макет первого издания краткой биографии Сталин внес лично: в частности, по дореволюционному периоду он сделал порядка 20 исправлений. Бросается в глаза, что Сталин поправил число своих арестов, ссылок и побегов. Так, сначала число арестов равнялось восьми, число ссылок — семи, а число побегов — шести. Во втором издании эти цифры уменьшаются на единицу: «С 1902 до 1913 года Сталин арестовывался семь раз, был в ссылке шесть раз, бежал из ссылки пять раз»¹⁰.

Кроме того, когда речь в биографии шла об организации стачек и демонстраций, о совместной работе, Сталин рядом со своей фамилией добавлял фамилии других организаторов, если у авторов не было о них упоминания.

О личной жизни, о творчестве Сталина в ранние годы в краткой биографии ничего не сказано.

Зато в том же юбилейном 1939 году увидела свет поэма грузинского советского поэта Георгия Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество». Леонидзе также получил духовное образование: в 1918 году закончил Тбилисскую духовную семинарию. В 1939–1951 годах Георгий Леонидзе был директором Государственного литературного музея Грузинской ССР. Особенность поэмы Леонидзе в том, что он с большим мастерством показал, как на Сталина с самого раннего детства влияли грузинские легенды и древние предания, в частности о прикованном к скале герое Амირани, похитившем для

людей огонь. Леонидзе также рассказывает много подробностей о семье Сталина: о бабушке, дедушке, прадедушке Зазе Джугашвили, поднявшем крестьянское восстание в начале XIX века. Следует отметить, что в 1941 году Георгий Леонидзе за эту поэму был награжден Сталинской премией.

Больше прижизненных биографий Сталина в Советском Союзе не издавалось.

В сегодняшних архивах хранятся различные, безусловные апологетические воспоминания друзей и товарищей Сталина по революционной борьбе, например, Георгия Елисабедашвили, Петра Капанадзе, Сергея Алилуева. Могут ли они, вычищенные и выхолощенные, пролить свет хоть на что-то? Безусловно. За плотной пеленой восхвалений можно увидеть какие-то крупинки настоящего: любовь маленького Сталина к грузинской культуре, его увлечения. Сопоставив воспоминания, можно нечто понять о его семье, о его учебе в семинарии, о его революционном пути и личной жизни, что особенно ценно.

Апологетические биографии издавались не только в Советском Союзе, но и за рубежом.

Среди апологетических зарубежных биографий важное место занимает книга «Сталин: новый мир, увиденный через человека», написанная Анри Барбюсом — писателем, членом Французской Коммунистической партии. Она была издана в Париже в 1935 году. К тому моменту Анри Барбюс был уже знаменит. Антивоенный роман «Огонь: дневник взвода», основанный на личном опыте Барбюса, воевавшего в Первую мировую войну, получил в 1916 году высшую литературную награду Франции — Гонкуровскую премию.

Октябрьскую революцию в России Анри Барбюс принял с воодушевлением. В 1923 году он стал членом Французской Коммунистической партии.

В 1927 году Барбюс в первый раз побывал в СССР. Посетил Харьков, Ростов-на-Дону, Грузию, Армению, Азербайджан... Анри Барбюс написал несколько книг и ряд статей, в которых показывал западному и советскому читателю достижения советской власти. Писатель искренне восхищался тем, как страна преобразуется буквально на глазах.

В 1927, 1932, 1933 и 1934 гг. Барбюс встречался и беседовал со Сталиным¹¹. В 20-е и 30-е годы вел с ним оживленную переписку. 8 декабря 1932 года отдел пропаганды направил в секретариат Сталина письмо, где рекомендовал Анри Барбюса в качестве сталинского биографа. Отметим, что биографию планировалось писать под негласным кураторством отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б). Это косвенно подтверждается фразой из вышеназванного письма: «Тов. Мануильский считает, что Анри Барбюсу это дело поручить можно и стоит, он напишет то, что ему посоветуют, в частности, и о борьбе с троцкизмом»¹². Первая редакция биографии подверглась некоторой критике со стороны заведующего отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А. И. Стецкого. Высоко оценив работу Барбюса, Стецкий сделал ряд замечаний, касающихся освещения конфликта Сталина и Троцкого, некоторых вопросов идеологического характера¹³. Нельзя в полной мере считать, что эта биография написана «под диктовку в Кремле»¹⁴, как язвительно отметил Троцкий. Но влияние на нее ВКП(б) отрицать невозможно.

Еще, пожалуй, стоит упомянуть об изданной в 1942 году работе английского писателя, общественного деятеля Айвора Монтегю. В качестве издателя выступила Коммунистическая партия Великобритании. К сожалению, книга Монтегю не отличается оригинальностью. Личная жизнь Сталина в ней практически не рассматривается. Приводятся в основном данные из краткой биографии и ранее опублико-

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 9–11

ванных биографических сочинений. Эта книга — скорее ликбез для английских коммунистов.

Понятно, что биографий, восхваляющих Сталина, за рубежом единицы. Гораздо больше писали о Сталине те, кто ненавидел его и Октябрьскую революцию.

Среди зарубежных авторов, претендующих на определенную нейтральность, можно выделить британского писателя Стивена Грэхэма, считавшегося на Западе известным специалистом по России: до Октябрьской революции он много ездил по Российской Империи, был на Украине, в Закавказье, учил русский язык, увлекался русской историей и литературой. Его перу принадлежат исследования по Ивану Грозному, Борису Годунову, Петру I, Александру II. В своей книге, посвященной Сталину (1931), он не просто рассказал о нем, о его политической карьере до 1917 года. Подойдя к исследованию комплексно, Грэхэм разобрал исторический контекст, в котором действовала большевистская организация Закавказья, состояние Российской Империи до 1917 года, описал предпосылки Октябрьской революции.

Зарубежные биографии противников Сталина

Одним из первых свою версию жизнеописания Иосифа Сталина создал в 1931 году известный авантюрист, мистификатор, искатель приключений Лев Нуссимбаум (Курбан Саид, Эссад-Бей), родившийся в 1905 году в семье нефтяного магната. Американский журналист Том Рейсс, долгое время работавший в The New York Times и в The Wall Street Journal, в 2005 году опубликовал книгу о Нуссимбауме. По его словам, мать Льва, покончившая с собой, когда мальчику было 6 лет, симпатизировала революционному движению и, в частности, была связана с Леонидом Красиным и неким «Рябым», «Семинаристом». Том Рейсс утверждает, что «Рябой», вполне вероятно, был Иосифом Джугашвили и что в Баку Лев Нуссимбаум лично общался с ним и даже намекал, что «Семинарист», то есть большевик Джугашвили, стал причиной разлада в семье маленького Льва¹⁵, закончившегося трагедией.

Идеями большевизма Эссад-Бей не проникся. Он считал Сталина своим личным врагом, который довел его мать до самоубийства: «Он отнял у меня мою родину, мой дом, вообще всё»¹⁶.

В 1931 году вышла также книга Исаака Дон Левина «Сталин». Книгу сложно назвать полноценной биографией. Непосредственных дат и биографических подробностей в ней приводится относительно немного, да и те зачастую в довольно расплывчатой форме или с неточностями.

Можно сказать, что фигуру Сталина и его биографию Дон Левин использует лишь как некий довольно схематичный каркас, вокруг которого выстроено субъективное описание истории большевизма. До периода революции материал излагается в целом нейтрально. Затем местами в тексте встречаются отрицательные оценочные эпитеты, приписывающие революции разрушительный и монструозный характер, а Сталину — роль злого таинственного гения, сумевшего узурпировать власть.

Еще одна известная книга о Сталине, которую нельзя обойти вниманием, написана в 1938–1940 годах его политическим оппонентом — Львом Троцким. Книга Троцкого «Сталин» увидела свет в США в 1946 году. В своей книге Троцкий стремился показать Сталина расчетливым, безжалостным властолюбцем. Истоки негативных качеств характера Сталина автор ищет в детстве, предоставляя читателю якобы известные ему биографические подробности. Например, дает портрет семьи,

в которой отец жестоко избивает собственного сына, опровергает «пролетарское» происхождение Сталина, довольно жестко высказывается относительно условий, в которых жил маленький Сталин и т.д.

При этом Троцкий, как и многие зарубежные авторы, зачастую опирается на мемуары Иосифа Иремашвили «Сталин и трагедия Грузии», вышедшие в Берлине в 1932 году. Иосиф Иремашвили — близкий друг детства Сталина, ставший впоследствии его политическим оппонентом. Объективность воспоминаний Иремашвили нередко ставится под сомнение историками. Действительно, мог ли правдиво написать о Сталине тот, кто еще с 1903 года стал меньшевиком? Тот, кто был выслан за границу и вел ожесточенную борьбу против большевиков, находясь в Германии?

Далее, интереса заслуживает биография Сталина, написанная неволевым Сергеем Дмитриевским в 1931 году. Хотелось бы отнести ее к данному разделу, несмотря на то, что она специфически апологетична. Как и Анри Барбюс, Дмитриевский рисует близкий к идеальному образ Сталина, попутно обвиняя Троцкого в лживой пропаганде. Это тем более интересно потому, что Дмитриевский не член компартии, более того — он неволевец.

В связи с этим нельзя не вспомнить, что Дмитриевский выдвигал собственную теорию национал-коммунизма, достаточно близкую к идеям Гитлера. И для него было важно сделать из Сталина подобную Гитлеру икону своей идеологии. Сталин как «народный монарх» должен был оставаться у власти после ожидаемой Дмитриевским «Великой Национальной Революции Русского народа». Дмитриевский считал, что Сталин вполне отверг западный марксизм. А до него якобы первые шаги в этом направлении сделал сам Владимир Ильич Ленин.

Вот какую характеристику дал Дмитриевскому Троцкий в книге «Сталин»: «Дмитриевский — бывший советский дипломат, шовинист и антисемит, временно присоединившийся к сталинской фракции в период ее борьбы против троцкизма, затем перебежавший за границу на сторону правого крыла белой эмиграции. Замечательно, что и в качестве открытого фашиста Дмитриевский продолжает высоко ставить Сталина, ненавидеть его противников и повторять все кремлевские легенды»¹⁷.

Довольно известна биография Сталина за авторством французского коммунист-антисталиниста Бориса Суварина, вышедшая в 1935 году. Суварин был троцкистом и ожидаемо написал отнюдь не хвалебную биографию. Сталин предстает у него в образе «тирана», дикого «азиата», выскочки, не способного к теоретическим построениям.

В 1938 году вышла книга неволевецца Сурена Эрзинкяна «Путь Сталина», в которой приводится довольно экзотическая версия происхождения Сталина. В книге утверждается, что его мать была кавказской еврейкой, и что, следовательно, Сталин был евреем. Эта весьма редкая версия найдет своих последователей в постперестроечной России.

Среди биографий, вышедших в последующие годы, следует отметить работу «Сталин: царь всея Руси» Лайонса Юджина (1940). Ее автор — американский журналист, эмигрировавший с семьей из Российской Империи в США в 1907 году. С 1928 по 1934 гг. он работал журналистом United Press International в Москве. Примечательно, что Лайонс Юджин во время работы в Москве довольно лояльно относился к советской власти. Он стал первым зарубежным журналистом, взявшим у Сталина интервью. Тем не менее, уехав в 1934 году в США, он начал писать резко антисталинские книги, к которым относится и вышеназванная биография. Сам Лайонс отмечает, что его задачей было передать

личные впечатления от работы «в тени могущества Сталина» и что в основном он опирался на книги Бориса Суварина и Исаака Дон Левина. Также автор выражал свою признательность Чарльзу Малому — переводчику книги Троцкого «Сталин» на английский язык.

В 1949 году в Англии выходит масштабное исследование польского и британского историка, публициста Исаака Дойчера — «Политическая биография Сталина». Исаак Дойчер рассматривает путь становления Сталина в качестве лидера и политического деятеля, начиная с детства, описывает период его работы в революционной организации, войну. Следует отметить, что Дойчер — убежденный троцкист. И, естественно, для него сталинский режим — политическое извращение, отступление от марксизма-ленинизма. Несмотря на это, Дойчер отмечает и заслуги Сталина, а также ставит его в один ряд с такими великими людьми, как Наполеон и Оливер Кромвель.

Интерес представляют для нас немногочисленные интервью Сталина. Например, интервью Сталина журналисту и писателю Эмилю Людвигу от 13 декабря 1931 года. Интервью получилось очень интересным: Людвиг задавал Сталину вопросы о судьбе, истории, о марксистской теории и Ленине. Свой взгляд на внутреннюю и внешнюю политику Сталин изложил в интервью английскому писателю Герберту Уэллсу в 1934 году.

Неаполитетические западные биографии (как, впрочем, и апологетические) крайне тенденциозны. Однако они хотя бы не проходили советскую цензуру (хотя, возможно, проходили антисоветскую). Как бы то ни было — в них порой всё же встречаются довольно интересные факты, которые в советских биографиях нельзя было публиковать по цензурным соображениям. Поэтому для нашего исследования они представляют большую ценность.

Биографии Сталина времен холодной войны

После разоблачения культа личности Сталина в СССР никто не брался за написание его биографии. Во времена Хрущева на всё положительное о Сталине было наложено табу. В 1961 году тело Сталина было вынесено из Мавзолея, его имя стиралось из народной памяти, образ Отца и Учителя был разрушен. Это нанесло огромный ущерб морально-психологическому состоянию советских людей.

Во времена Брежнева в СССР происходила мягкая реабилитация Сталина. Образ Верховного Главнокомандующего начал появляться в книгах и кино. Примером тому служит книга Юрия Бондарева «Горячий снег», вышедшая в 1970 году. В этом же году у Кремлевской стены появился памятник Сталину. Однако всерьез исследованием биографии Сталина никто по-прежнему не занимался. Образ Сталина-революционера был не нужен — нужен был образ Сталина-державника, мудрого и спокойного Сталина с трубкой. Революционный огонь угасал.

Зато за рубежом одна за другой появлялись биографии Сталина, написанные людьми, всерьез участвовавшими в холодной войне. Зачастую авторы таких биографий были связаны с английской или американской разведками. Эти авторы как раз понимали, как много значил для советского народа образ Сталина-Отца. И что именно антисталинизм, даже в условиях развенчанного культа личности, сыграет свою роль в разрушении Советского государства.

В 1956 году — в год, когда состоялся знаменитый XX съезд КПСС с его развенчанием культа личности Сталина — вышла книга уже известного нам Исаака Дон Левина «Величайший секрет Сталина». Сна-

чала в журнале «Лайф», а затем в данной книге Дон Левин опубликовал якобы обнаруженное им письмо заведующего Особым отделом департамента полиции Еремина на имя начальника Енисейского охранного отделения А. Ф. Железнякова (так называемое «письмо Еремина»), которое он представил читателям в качестве доказательства работы Сталина на царскую охранку. Однако подлинность этого письма была оспорена не только апологетами Сталина, но и его противниками-меньшевиками. Так, с критикой «письма Еремина» выступили упомянутый выше Борис Суварин¹⁸, а также меньшевик, бундовец, эмигрировавший из Советского Союза в Германию Григорий Аронсон¹⁹.

Несмотря на то, что документ является очевидной подделкой, к нему неоднократно обращались как зарубежные, так и российские авторы во время и после перестройки. В первый раз «письмо» появилось в советской печати 30 марта 1989 года в «Московской правде». Два доктора исторических наук: Георгий Арутюнов и Федор Волков — опубликовали статью «Перед судом истории»²⁰, где представили читателю данный документ и «доказали», что Сталин работал на царскую охранку.

Что касается личности самого Дон Левина, то она небезынтересна. Дон Левин родился в 1892 году в Белоруссии. С 1911 года он работал обозревателем в «Канзас-Сити-Стар» и «Нью-Йорк Трибьюн». В 1917 освещал в американской прессе Октябрьскую революцию. В 20-е годы поехал в Россию освещать события Гражданской войны. С самого начала он выступил с резкой критикой советской власти и до своей смерти оставался ее непримиримым врагом.

С 1946 по 1950 гг. Дон Левин был редактором ежемесячного антикоммунистического журнала Plain Talk. В 1951 году был соучредителем Американского комитета по освобождению от большевизма, офис которого находился в Мюнхене. И нельзя не отметить, что данный комитет находился под прямым контролем ЦРУ.

В рамках проекта QKACTIVE²¹ в 1953 году комитетом была основана радиостанция «Освобождение», «чтобы ослабить угрозу мировой безопасности». Впоследствии она была переименована в безызвестную радиостанцию «Свобода».

В 1967 году появляется примечательная работа Эдварда Элвиса Смита «Молодой Сталин». В краткой биографии Смита, найденной на сайте онлайн-архива Калифорнии, говорится, что он был историком, писателем, сотрудником дипломатической службы и агентом ЦРУ. В 1939 году Смит окончил Университет Западной Вирджинии и был отправлен в Германию для участия во Второй мировой войне. После войны он проходил обучение в школе ВМС США, где выучил русский язык. С 1946 по 1947 год Смит посещал разведшколу Пентагона и школу контрразведки в военном лагере Холаберд²². С 1948 по 1950 год Эдвард Смит служил помощником военного атташе в Москве²³. В сентябре 1950 года он вернулся в США и был откомандирован в ЦРУ.

В 1953 году Смит снова прибыл в Москву, но уже в качестве военного атташе. Историк Александр Колпакиди, занявшийся в постсоветские годы рассмотрением различных спецслужбистских сюжетов, сообщает о том, что в Москве Смит был завербован КГБ и стал двойным агентом. В 1956 году Смит признался в работе на КГБ своему начальству, затем он был отозван в США и уволен из ЦРУ. После увольнения Смит стал директором банка, что явно свидетельствует о том, что его увольнение не было чересчур скандальным. Уволившись из ЦРУ, Смит написал несколько книг, принесших ему известность. Одна из этих книг называется «Молодой Сталин».

Смит вновь воспроизводит миф о том, что молодой Джугашвили работал на царскую охранку. При этом даже ЦРУ было

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

вынуждено признать, что предъявленная Смитом доказательная база является, мягко говоря, очень шаткой. В своем отчете ЦРУ написано, что Смит провел масштабное исследование, но «*выводы его неловки и не проистекают из приведенных фактов*»²⁴. В отчете ЦРУ также отмечено, что Смит передергивает факты, пытается привязать их к своей гипотезе, и порой там, где доказательств не хватает, сам нечто додумывает и конструирует. Причем конструирует нечто не вполне удачное. «*Такой излишний энтузиазм в подходе к фактам... подрывает доверие читателя*»²⁵, — говорится в отчете. Всё это в целом, как пишет автор отчета, подрывает доверие даже того читателя, который изначально доверял гипотезе о работе Сталина на царскую охранку.

Более того, пропагандистская двусмысленность данной работы, компрометирующей антисталинизм, заставила американцев откеститься от нее публично. В журнале *The American Historical Review* в 1968 году был напечатан отзыв на книгу Смита, написанный знаменитым американским дипломатом Джорджем Кеннаном²⁶. В этом отзыве, как и в отчете ЦРУ, говорится о недостаточной обоснованности выводов Смита.

В 1971 году в Нью-Йорке вышло исследование Роя Медведева «К суду истории. О Сталине и сталинизме».

Рой Александрович Медведев — известный советский и российский публицист, педагог, историк, автор многих политических биографий. Он относится к так называемым левым диссидентам, то есть к диссидентам, стремившимся очистить социализм от советских и прежде всего сталинских искажений. В 1969 году Медведев был исключен из КПСС за книгу «К суду истории». В 1989 году (то есть через 18 лет после публикации работы Медведева в Нью-Йорке) Медведев был восстановлен в партии с сохранением партийного стажа. Восстановление Медведева произошло по инициативе так называемого архитектора перестройки А. Н. Яковлева. Рой Медведев, давая оценку своему мировоззрению, написал: «*Я никогда не изменял ни своим убеждениям, ни идеалам молодости. В этом я вижу влияние отца, он сумел мне привить свою приверженность к социализму*»²⁷.

Отец Роя Александровича — Александр Романович Медведев, советский военный деятель, полковой комиссар, в 30-е годы служил старшим преподавателем кафедры диалектического и исторического материализма Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Был заместителем заведующего кафедрой. В 1938 году был арестован и в 1941 году умер на Колыме. В 1956 году был реабилитирован. По словам Медведева, смерть отца наложила отпечаток на всю его дальнейшую жизнь.

Медведев отмечает, что его позиция сродни позициям зарубежных компартий (итальянской, испанской): он вел борьбу за демократизацию политики партии. Сталинская политика, по его мнению, искажила «*социалистическую суть советского государства*»²⁸.

Книга Медведева «К суду истории. О Сталине и сталинизме» написана без использования архивных данных, так как у автора не было доступа к архивам. Она представляет собой совокупность личных оценок самого Роя Александровича, который не скрывает своей крайне негативной оценки Сталина, а также неких диалогов Медведева с теми, кто на разных этапах становился собеседниками данного левого диссидента. Сам Медведев так характеризует источники, на которые он опирался, создавая свою биографию Сталина: «*Встречался и подробно беседовал с прославленными сталинскими тюрьмами и лагеря старыми большевиками, в том числе с немногими оставшимися в живых участниками оппозиций, а также с чудом выжившими бывшими эсерами, анархистами и меньшевиками, беспартийными тех-*

*ническими специалистами, с бывшими военными, учеными, писателями, журналистами, партийными работниками, простыми рабочими и крестьянами, с теми, кого называли «кулаками», и теми, кто их «раскулачивал», со священнослужителями и простыми верующими, с бывшими чекистами, с вернувшимися в Советский Союз эмигрантами и теми, кто собирался уехать из СССР»*²⁹.

Если бы книга о самом Медведеве была написана на основе подобных встреч с теми, кто пересекался с Роем Александровичем и имел основания быть на него обиженным, то назвал ли бы Рой Александрович такую книгу объективной?

Оценку рукописи Роя Медведева дал Юрий Андропов: «*Оперативным путем получен новый вариант рукописи Медведева Р. А. «Перед судом истории»... Книга... основана на тенденциозно подобранных, но достоверных фактах, снабженных умело сделанным комментарием и броскими демагогическими выводами...*» При этом, отмечал Андропов, «*не следовало бы исключать возможность привлечения Медведева к написанию работы по интересующему его периоду жизни нашего государства под соответствующим партийным контролем*»³⁰.

Юрий Владимирович Андропов никогда не бросал слов на ветер. Его участие в судьбе Медведева достаточно очевидно. В силу этого злопыхатели порой называют Медведева «специдисидентом». Связь с Андроповым и Яковлевым не могла не наложить отпечаток на творчество Роя Медведева. Из этого вовсе не вытекает неискренность самого Медведева. Тут скорее следует говорить о «мастерски управляемой» искренности.

В 1973 году в Нью-Йорке вышла книга Роберта Такера «Сталин — революционер, 1879–1929: история и личность», считающаяся одной из самых подробных биографий молодого Сталина.

Такер — известный американский советолог, в 1942–1944 гг. работал в Управлении стратегических служб³¹. В 1944 году Такер начал работать переводчиком в посольстве США в Москве. Женился на советской гражданке Евгении Пестрецово. В 1953 году, после смерти Сталина, вместе с женой уехал в США.

Роберт Такер отнес свою книгу к жанру «психоистории», стремясь объяснить поступки Сталина личностными качествами, сформировавшимися в детстве и юности. Для этого он обратился к неопределенной школе, в частности, к работам Карен Хорни и Эрика Эриксона. «*Особенности характера и мотивация не являются неизменными качествами. Они развиваются и меняются в течение всей жизни, в которой обычно присутствуют уют и критические моменты, и определяющие будущее решения. Более того, сформированная в юности индивидуальность, или (по выражению Эриксона) «психосоциальная идентичность» обладает перспективным, или программным, измерением. Она содержит не только ощущение индивидуума, кто и что он есть, но также его цели, четкие или зачаточные представления относительно того, чего он должен, может и сумеет достичь*»³², — пишет Такер.

Книга Такера, будучи одним из самых масштабных исследований биографии Сталина, заведомо необъективна в силу самого психоисторического подхода, который в принципе исключает объективность и приносит ее в жертву тем или иным интерпретациям мотивов исследуемого героя. При этом всё зависит от того, как выявляются и интерпретируются мотивы: при использовании психологии Эриксона мотивы будут выявляться и интерпретироваться одним способом, при использовании других психологических моделей, коим нет числа, — иначе. Следует также отметить, что идея обнаружения источни-

ков сталинской политической мотивации путем погружения в детские и юношеские злоключения героя не нова. И Троцкий, и Иремашвили, и тот же Рой Медведев, на которого, в том числе, опирается Такер, считали, что истоки тирании Сталина следует искать именно в детстве.

Примечательно, что Такер критикует версию Исаака Дон Левина и Эдварда Смита о том, что Сталин был агентом царской охраны, называя письмо Еремина не заслуживающим доверия, а аргументы Эдварда Смита — неубедительными³³.

В 1980 году в Нью-Йорке вышла книга «Сталин: портрет тирана», написанная сыном известного репрессированного большевика Владимира Антонова-Овсенко — Антоном. Эта книга наполнена антисталинскими штампами, буквально пропитана ненавистью к сталинской эпохе и к Сталину лично.

Мать Антонова Владимировича, Розалия Борисовна Кацнельсон, в 1929 году была арестована как враг народа и в 1936 году покончила жизнь самоубийством в Ханты-Мансийской тюрьме. Отец — известный большевик, один из организаторов Октябрьской революции 1917 года, советский дипломат Владимир Александрович Антонов-Овсенко был арестован в 1937 году за принадлежность к троцкистской организации, в феврале 1938 года расстрелян. Антон Владимирович в 40-е годы сам был арестован. После публикации книги «Сталин. Портрет тирана» Антонов-Овсенко находился под угрозой ареста, однако в 1982 году Юрий Владимирович Андропов ходатайствовал за автора книги, попросил ограничиться внушением. В 1984 году Антонов-Овсенко всё же был арестован за антисоветскую пропаганду. Правда, полномасштабным арестом это назвать сложно: выслали из Москвы, забрали архив. Через два года разрешили вернуться. В 1990 году написал ряд антисталинских книг. С 1995 года Антон Владимирович руководил Союзом организаций жертв политических репрессий Московского региона, основал Государственный музей истории ГУЛАГа. С 2001 по 2011 годы был его директором.

Какой объективности можно ждать от человека, сначала заявляющего, что «*писать правду о Сталине — это долг каждого честного человека*», а затем сказавшего: «*Сталинизм — это целая эпоха (не о сталинизме следует говорить — о сталинизме). Эпоха, когда на Земле свершилось самое гнусное, кровавое злодеяние. Сталинизм — политический бандитизм, обращенный в государственную политику*»?

Советский и российский историк Виктор Николаевич Земсков, подробно изучивший вопрос о сталинских репрессиях, писал об Антоне Владимировиче: «*Нельзя всеприветливо воспринимать, к примеру, заявления известного публициста А. В. Антонова-Овсенко, уверявшего в 1991 г. читателей «Литературной газеты», что после войны в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось 16 млн заключенных. На указанную им дату в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось не 16 млн, а 1,6 млн заключенных. Следует все-таки обращать внимание на запятую между цифрами*».

Также отметим, что в 1989 году Антон Владимирович Антонов-Овсенко в своей статье в журнале «Вопросы истории» заговорил о предполагаемой легкомысленности матери Сталина. Среди возможных отцов он называет некоего «зажиточного князя», а также купца, друга семьи Джугашвили Якова Эгнатшвили.

Книга Антонова-Овсенко «Сталин: портрет тирана» вышла в России в 1994 году. В 1990-е годы он отметился еще рядом антисталинских книг: «Сталин без маски» (1990), «Театр Иосифа Сталина» (1995).

Мы видим, что биографии, написанные людьми, связанными с ЦРУ, работавшими на развал СССР, начинены разного рода негативными оценками, мифами, домыс-

лами. И что эти оценки, мифы и домыслы, созданные еще в эпоху биполярного мира, использовались в перестройку и постперестроечное время, чтобы навязать комплекс вины теперь уже гражданам постсоветской России — ведь их прадеды и деды когда-то боготворили Сталина, с его именем шли в атаку, его имя стойко ассоциируется с победой в Великой Отечественной войне.

Биографии Сталина в перестроечное и постперестроечное время

В годы перестройки и постперестроечного время вышло огромное число книг, явно и умеренно антисталинских. Все они наполнены как достоверными фактами, так и невероятным количеством домыслов. При этом складывается впечатление, что если до перестройки авторы таких книг разоблачали культ личности Сталина, делая акцент именно на его жесткой политике в деревне, на масштабе репрессий, то в перестроечные годы акцент в антисталинских публикациях смещается в интимно-личную сферу: авторы начинают, что называется, копаться в грязном белье, в трагической семейной истории Сталина.

Здесь не стоит, на наш взгляд, делить книги на российские и зарубежные, поскольку в период перестройки любая выпущенная антисталинская книга находила своего читателя в России и за границей.

В 1989 году вышла книга советского историка Дмитрия Волкогонова «Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина».

Дмитрий Антонович Волкогонов с 1971 года работал в Главном политическом управлении Советской армии и Военно-морского флота, в начале 1980-х годов он был начальником управления спецпропаганды, а в конце 1980-х годов занимал пост заместителя начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. В 1990-е годы Волкогонов входил в комиссию по определению перечня документов Архива Президента Российской Федерации и по рассекречиванию документов³⁴. В силу своего положения Волкогонов имел возможность ознакомиться с достаточно важными и интересными материалами. Однако мировоззренческая подвижность Волкогонова, который в 1989 году еще писал о Ленине, что «*гений этого человека был велик*», а в 1992-м уже характеризовал того же Ленина как «*малоприятную личность и примитивного философа*», — не могла не сказаться на написанной Волкогоновым биографии Сталина. Противники Волкогонова раз за разом приводят весомые доказательства того, что данный автор не чурается компиляции, склонен менять позицию под влиянием конъюнктуры, тяготеет к пропагандистской манере изложения. И что его сочинения носят сугубо публицистический характер, начинены сплетнями, мифами, домыслами и грубыми ошибками.

Сам Волкогонов пишет, что в основу политической биографии Сталина легли не только архивы, но и «*личные беседы с людьми, близко знавшими Сталина, анализ документов Ставки и личной переписки*»³⁵. Волкогонов интересуется политический портрет Сталина после 1917 года.

То есть мы опять, как и в случае Медведева, имеем дело с желанием автора собирать по определению безответственные интервью.

За рубежом в 1990 году увидело свет масштабное исследование известного английского советолога Роберта Конквеста «Сталин — покоритель народов». Конквест, одно время работавший в Отделе исследования информации британского МИД³⁶, созданном для борьбы с советской

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 9–13

пропагандой, к тому моменту был известен как автор антисталинских книг, в том числе на шумевших и неоднозначных. К ним относятся книга «Большой террор: сталинские чистки 30-х годов» (1968), в которой рассказывалось о десятках миллионов жертв сталинских репрессий, и «Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом» (1986) о голодоморе на Украине.

В книге «Сталин — покоритель народов» Конквест, как и все его предшественники на Западе, обращается к детству Сталина, стремясь найти в нем истоки сталинского деспотизма. Конквест описывает детские и юношеские переживания Сталина, анализирует его травмы. В книге Конквеста фигурируют альтернативные версии отцовства. В этом произведении, как и у Антонова-Овсеенко, названы имена русского путешественника Николая Пржевальского и богатого купца, друга семьи Джугашвили Якова Эгнатовича.

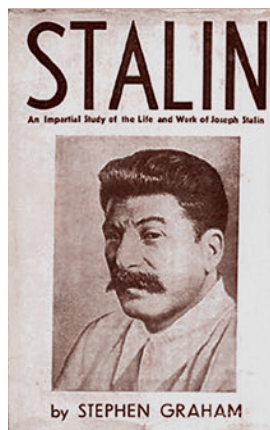
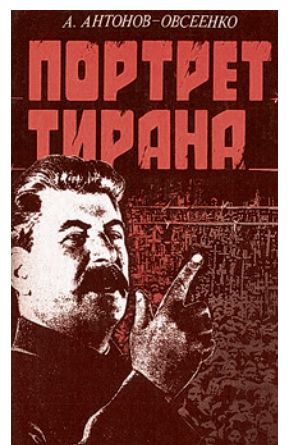
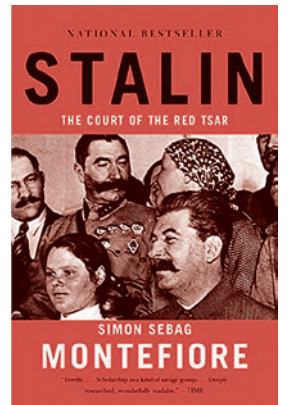
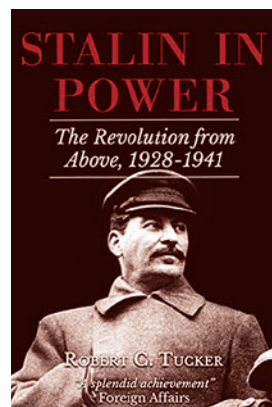
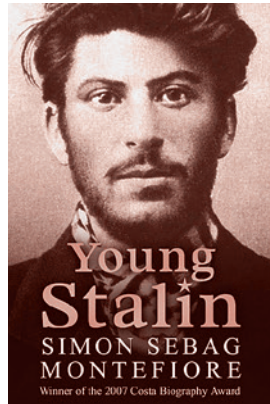
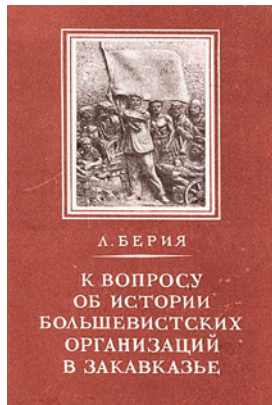
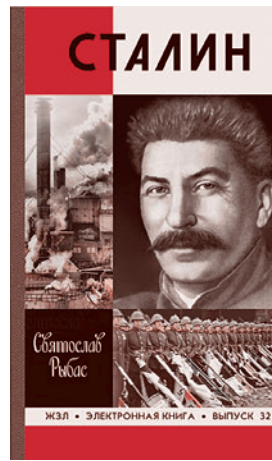
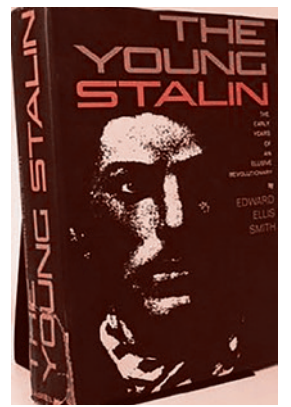
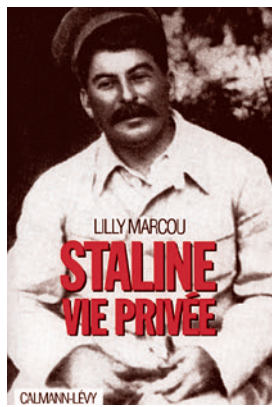
В 1990 году в США вышел второй том книги Роберта Такера «Сталин у власти. 1928–1941». Автор, опираясь в том числе на работы уже знакомого нам А.В. Антонова-Овсеенко, обвиняет Сталина в жестокостях коллективизации и индустриализации, желании заключить соглашение с нацистами и убийстве Кирова. Отметим, что в данной книге автор, используя очень сомнительное свидетельство, осторожно намекает на то, что Виссарион Джугашвили не был настоящим отцом Сталина. В качестве возможного отца от называет некоего «священника».

В 1992 году вышло Постановление Верховного Совета РФ «О временном порядке доступа к архивным документам и их использовании». Постановление давало доступ к архивным документам всем физическим лицам, независимо от их гражданства. Доступны стали секретные документы, с момента создания которых прошло 30 лет, а также документы личного характера, если с момента их создания прошло 75 лет.

Выходят небольшие сборники документов из личного архива Сталина, вроде «Сталин в объятиях семьи» под редакцией Юрия Мурина, письма публикуются в открытой печати. Биографы получают возможность открыть для себя какие-то совершенно новые грани жизни Сталина. Становится возможным ознакомление с его личными биографическими анкетами³⁷.

В 1997 году в России выходит ставшая очень популярной книга Эдварда Радзинского «Сталин». Автор ее утверждает, что имел доступ к архиву, существовавшему при руководстве Коммунистической партии, при особом Секретном отделе³⁸. Этот архив, по словам Радзинского, составил основу Архива президента РФ, созданного во времена правления Горбачева. Радзинский утверждает, что в своей работе опирался на документы бывшего Центрального партийного архива (сейчас именуется Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)), а также использовал секретные фонды Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации).

И вновь мы имеем дело с собиранием сведений, относящихся к разряду слухов. Радзинскому по определению недостаточно архивных документов. Потому что — и в этом научный трагизм ситуации — при любой секретности сведений, они представляют собой тщательно отфильтрованный и искаженный массив данных. И сам Сталин, и его окружение, и партия в целом, и антисталинские группы в партии, боящиеся обнаружения того, что и у них рыльце в пушку, — все чистили архивы безжалостно и насыщали их ложными сведениями. Архивные сведения о Сталине представляют собой самую крупную

из всех исторических мистификаций. Они одновременно искажены и стерилизованы. И, повторим, степень секретности в данном случае ничего не меняет. Скорее даже наоборот — чем секретнее сведения, тем больше они причислялись, отфильтровывались, искажались, рассматривались через увеличительное стекло с тем, чтобы стерилизация была как можно более тщательной. Поэтому Радзинский сначала создает себе рекламу тем, что он имеет доступ к ужасно секретным сведениям, а затем, покалывает эти сведения неинтересны, начинаешь интересничать, собирая разные слухи, излагая непроверенные гипотезы, приводя сомнительные свидетельства.

Миклош Кун — венгерский историк, внук известного венгерского коммуниста, политического деятеля Бела Куна, в 2003 году выпустил в Венгрии книгу «Сталин: неизвестный портрет». Кун исследовал доступные архивы России, а также опубликовал в своей книге ряд писем Сталина к его соратникам и большое интервью с Кириой Аллилуевой — племянницей Сталина — обо всей семье Сванидзе-Аллилуевых-Джугашвили.

В 2007 году в Великобритании выходит книга авторитетного английского историка Саймона Себага-Монтефиоре «Молодой Сталин». На русском языке она появляется в 2014 году. Как пишет сам автор, «эта

книга — результат почти десятилетних изысканий о Сталине, проводившихся в двадцати трех городах и девяти странах, в основном в недавно открытых архивах Москвы, Тбилиси и Батуми, но также и в Санкт-Петербурге, Баку, Вологде, Сибири, Берлине, Стокгольме, Лондоне, Париже, Тампере, Хельсинки, Кракове, Вене и Стэнфорде (Калифорния)³⁹. В предисловии переводчика сказано, что Монтефиоре получил разрешение работать с грузинскими архивами, где находились, в том числе, мемуары матери Сталина.

В предисловии к своей книге Саймон Монтефиоре отмечает, что на Западе есть только две серьезные работы, посвященные Сталину, — это «Молодой Сталин» Смита и «Сталин. Путь к власти. 1879–1928. История и личность» Такера. Кроме этих авторов, Монтефиоре упоминает Куна, сказав, что его книга — «настоящий подвиг исследователя, проникшего в самую суть предмета»⁴⁰.

Книга Монтефиоре содержит в себе много сведений о личной жизни молодого Сталина (что для нас особенно интересно), о его детских и юношеских переживаниях, о версиях его происхождения и становлении в качестве политического деятеля.

Ранее, в 2003 году, Монтефиоре выпустил книгу «Двор Красного монарха: История восхождения Сталина к власти» о зре-

лых годах Сталина и о его политической карьере, о его окружении. Надо отдать должное автору: он не демонизирует Сталина, как это обычно делают западные авторы, он показывает его хотя и жестоким, суровым и деспотичным, но человеком.

В 2017 г. вышла книга российского историка, профессора «Высшей школы экономики» Олега Хлевнюка «Сталин: жизнь одного вождя». Автор уделяет мало внимания дореволюционной биографии советского лидера. Книга изобилует воспроизводством известных фактов и оценочных суждений, по преимуществу негативных. Красной нитью через всю книгу проходит описание дня смерти Сталина. Видимо, автор, не имея возможности привлечь внимания новыми сведениями, решил создать гибрид биографии и романа в стиле черного гротеска.

Тем не менее книга Хлевнюка получила положительный отзыв Саймона Себага-Монтефиоре, а также известного журналиста Николая Сванидзе, одного из идеологов новой волны российской десоветизации и десталинизации. А для этой новой волны Конквеста давно уже недостаточно, необходимы свежие работы, соответствующие новому состоянию российского общества, его отчужденности от идейных страстей и склонности к оценке личности через семейно-бытовые детали.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Мария Rogozina

Голоса противников огульного очернения Иосифа Сталина

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что еще со времен холодной войны некоторые исследователи делали попытки развенчания антисталинских мифов и штампов.

Заслуживающей внимания работой такого рода является книга английского историка Яна Грея «Сталин. Человек истории», изданная в 1978 году. Сама она построена на заочном полемическом сопоставлении двух точек зрения: автора — Яна Грея и политического противника Сталина Льва Троцкого. Тогда многих разозлило, что автор выступает с позиции оправдания Сталина.

Ян Грей начал свою карьеру как адвокат, был членом ассоциации адвокатов Нового Южного Уэльса. В 1941 году он поступил на службу в Королевский австралийский военно-морской флот и был направлен в военно-морское разведывательное управление Адмиралтейства в Лондоне.

Два с половиной года Грей служил на Русском Севере.

С 1966 года и вплоть до своей отставки он служил заместителем Генерального секретаря и редактором изданий штаб-квартиры Секретариата парламентской ассоциации стран Британского Содружества.

В своей книге Ян Грей поставил в один ряд Ивана Грозного, Петра I и Сталина, показывая, что Сталин — всего лишь продолжатель традиции «сильной руки» в деле управления Россией, а также правитель, способный мобилизовать русский народ для воплощения мессианской идеи: «Признав Россию своей страной, Сталин вобрал в себя взгляды и обычаи москвичей и веру в великую судьбу русского народа и государства»⁴¹.

В 1994 году в Бельгии вышла книга коммуниста, основателя Бельгийской партии труда Людо Мартенса «Другой взгляд на Сталина» (в России вышла в 2010 году под названием «Запрещенный Сталин»). В книге весьма кратко даны биографические сведения о молодом Сталине, повторяющие сведения, представленные другим исследователем, Яном Греем. Но, как пишет сам автор, он и не собирался писать очередную биографию. «Она [книга] задумана как прямое противоядие против стандартных нападок на Сталина: «Завещание Ленина», принудительная коллективизация, власть бюрократии, уничтожение «большевистской гвардии», Великая чистка, принудительная индустриализация, тайный сговор между Гитлером и Сталиным, его некомпетентность во время Второй мировой войны и так далее. Мы пытались разрушить многие «хорошо известные истины» о Сталине, которые повторялись и повторяются снова и снова в газетах, исторических книгах, интервью и которые в большей или меньшей степени стали частью нашего подсознания»⁴², — пишет Мартенс. Его книга — своеобразный ответ Конквесту, голос, оппонировавший «либеральному» взгляду на фигуру Сталина.

Одной из первых, кому удалось в российских архивах ознакомиться с документами сталинской эпохи, была французский историк, политолог, бывший преподаватель Института политических исследований в Париже Лилли Марку. С 1993 года она изучала в Москве архивы Российского центра хранения и изучения документов

новой истории (РЦХИДНИ), который в 1999 году был объединен с Центром хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО) И. В. Сталина в РГАСПИ. В 1996 году во Франции она выпустила книгу «Сталин. Личная жизнь».

Марку призывает к объективному взгляду на Сталина без его восхваления и демонизации, так как, по ее словам, и то, и другое — это проявление «умственной лени»⁴³. Лилли Марку посвятила тридцать лет изучению биографии Сталина. Называя «научно обоснованными» биографии Сталина, написанные Такером и Дойчером, она тем не менее считает, что они недостаточно убедительно раскрывают его загадочную личность.

Открещиваясь от ожидаемых упреков в обелении Иосифа Сталина, в предисловии к книге автор говорит: «Если нарисованный мною портрет приобретает человеческие пропорции, то только лишь для того, чтобы четче показать черты характера человека, для которого превыше всего были его революционные убеждения, государственные интересы, абсолютная власть и уверенность в том, что его деятельность является благом для всех людей»⁴⁴.

В 2002 году выходит подробное, обстоятельное, претендующее на объективность исследование «Кто стоял за спиной Сталина?». Автор — доктор исторических наук Александр Островский — проводит подробный анализ источников, из которых можно почерпнуть информацию о Сталине, вдумчиво, опираясь на архивные материалы (и приводя ссылки на них, которые можно проверить), знакомит читателя с подробностями жизни молодого Джугашвили от раннего возраста до возвращения из туруханской ссылки.

В 2003 году вышла книга Юрия Жукова «Иной Сталин», а также диалог Юрия Емельянова «Сталин: Путь к власти» и «Сталин: На вершине власти».

Это — сочинения очень компетентных историков, которые никогда не меняли свою позицию и всегда стремились исповедовать взвешенный подход к исследуемым историческим фигурам. И Жуков, и Емельянов, которых либеральные антисталинисты называют оголтелыми сталинистами, являются крайне объективными специалистами высшего класса. Будучи таковыми и понимая все издержки биографического подхода к исследованию личности Сталина, Жуков и Емельянов концентрируют свое внимание на объективных обстоятельствах, в силу которых Сталин пришел к власти. И на объективной роли Сталина, отвечающего в качестве политического лидера на определенные вызовы.

Применяемый авторами метод при всей его убедительности не дает возможности разобраться в том, что можно назвать ролью личности в истории. В сочинениях Жукова и Емельянова, выдающихся исследователей, воспитанных в советской исторической школе, личность Сталина становится совсем уже вторичной по отношению к истории. Главное для авторов — объяснить, почему страна приняла Сталина, почему именно Сталин возглавил страну в годы суровых испытаний. Давая свой ответ на эти вопросы, авторы сознательно уходят от разного рода интерпретаций мотивов Сталина, от анализа тонкой структуры личности Сталина, от выявля-

ния особых обстоятельств, сформировавших эту личность.

В 2004 году в России вышел первый том трехтомника «Политическая биография Сталина» за авторством кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук Николая Капченко. Автор попытался объективно взглянуть на биографию Сталина: постарался максимально полно и объективно описать важные этапы деятельности советского лидера и понять, как формировалось политическое мировоззрение Сталина, его представление о ценностях.

В 2009 году в известной серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга российского писателя Святослава Рыбаса «Сталин». Рыбас пытается уйти от рассматривания под микроскопом личности Сталина и представить его как крупного деятеля, ведомого исторической необходимостью. Соответственно, автора больше интересует эта историческая необходимость, чем Сталин. Рыбасовская концепция исторической необходимости основана на органической взаимосвязи различных периодов российской истории. Какова концепция — таков и политический портрет. Для Рыбаса Сталин, по существу, является продолжателем дела русских царей. Степень благоволения Рыбаса к Сталину задается именно тем, насколько Сталин выступает в роли продолжателя благого царского державного дела.

Умеренная комплиментарность Рыбаса, для которого Сталин все-таки не только политический последователь русских монархов (то есть фигура со знаком «плюс»), но и русский революционер-большевик (то есть фигура со знаком «минус»), резко контрастирует с безоглядой комплиментарностью таких возмездных Сталина биографических, а точнее агиографических сочинений, как книги Елены Прудниковой («Иосиф Джугашвили. Самый человечный человек. Союз Горы» 2005 года и «Второе убийство Сталина» 2013 года), Арсена Мартиросяна («Сталин: биография вождя» 2007 года), Александра Бушкова («Красный монарх» 2006 года).

Вышеназванные книги представляют собой яростную полемику со всеми очернителями Сталина. Эта волна полемики поднялась в 2000-е годы в связи с тем, что Сталин стал для постсоветского общества в целом фигурой со знаком «плюс». При этом в череде таких фигур он вышел на первое место. Возник общественный запрос на позитивного Сталина. Этот запрос имел и сущностный, и рыночный характер. Поиск исторической правды ушел на второе место у ряда перечисленных выше страстных, искренних, вполне осведомленных авторов, чей патриотизм диктует необходимость не только предоставлять новые сведения, но и разоблачать антисталинские фальшивки прошлого. Даже если в данных произведениях нет прямой полемики с клеветой на Сталина, они проникнуты справедливым полемическим духом. И, как всегда бывает в таких случаях, маятник качается в противоположную сторону, так что место клеветы начинает занимать апологетика, порою дополняемая интересными сведениями, а порою ради полемического успеха переплетающаяся с проблематичной сенсационностью.

Фантастическая литература

Как справедливо заметила одна из исследователей биографии Сталина, французка Лилли Марку, «рассекречивание советских архивов не способствовало — больше всего и в первую очередь в России — опубликованию различных трудов, которые отнюдь не отличаются объективностью. Свободу слова — а особенно на тему, ранее считавшуюся запретной, — путали с правом писать всё, что только взбредет в голову. Поэтому появилось множество публикаций, похожих скорее на вымысел: ими теперь буквально завалены книжные лотки на улицах Москвы»⁴⁵. Перечислять здесь все в большей или меньшей степени желтые публикации не очень адекватных авторов не стоит. Отдельно хотелось бы отметить разве что книги и публикации Григория Климова. Некоторые из них, например «Протоколы советских мудрецов» (1981) и «Красная каббала» (1987) внесены в Федеральный список экстремистских материалов.

Климов — писатель-перебежчик (сбежал в Западную Германию в 1947 году), антисемит, который рассматривает всю сталинскую политику как «еврейский заговор» против русского народа. В публикациях Климова Сталин (как и в книге Сурена Эрзьяна) — это кавказский полуеврей, а первая жена Сталина Като Сванидзе — кавказская еврейка. Кроме того, Климов поддерживает версию реального существования третьей еврейской жены Сталина — Розы Каганович, что по факту является не более чем мифом. Приводить какие-либо приличные доказательства своих похожих на бред построений Климов не считает нужным.

Тем не менее, что пугает больше всего, те авторы, которым нужно связать Сталина с евреями, опираются на Климова, его книги широко распространены в интернете, их общий тираж превысил миллион экземпляров, у Климова есть почитатели в патриотической среде.

Более мелких писателей, чья адекватность ставится под сомнение, а также любителей дешевых сенсаций, — легион...

Мемуарная литература родных и соратников Сталина

Новые возможности анализа личности Сталина в целом и анализа тех начальных условий, в которых произошло формирование этой личности, предоставляют публикации мемуарной литературы, которая стала достоянием общества лишь в последние годы.

В 2013 году в России вышли мемуары матери Сталина Екатерины Георгиевны Джугашвили (Геладзе) под названиями «Мой Сосо» и «Мой сын — Иосиф Сталин». Фактически речь идет о разных редакциях одних и тех же коротких мемуаров. Мемуары эти не являются плодом отдельного целенаправленного сочинительства. Они представляют собой записи бесед с матерью Сталина, сделанные в 1935 году 23, 25 и 27 августа.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 9–15

Мемуары «Мой Сосо» вошли в книгу Игоря Оболенского «13 женщин Джугашвили», вышедшую в России в 2013 году. Книга Оболенского интересна тем, что в ней рассказаны истории тех женщин, о которых, в общем, известно довольно мало. Это Наталья Львова, которую называли «ведьмой Сталина», Валентина Истомина — домработница и, по некоторым версиям, последняя жена Сталина. Книга Оболенского содержит также интервью родственников тех людей, которые близко знали Сталина, были его учителями, друзьями и товарищами.

В том же году увидели свет мемуары видного революционера, друга и соратника Сталина Симона Аршаковича Тер-Петросяна (Камо), озаглавленные «Сталин. Мой товарищ и наставник». Как утверждал друг Камо Ираклий Георгиевич Капанадзе, эту рукопись Камо передал ему в 1922 году — незадолго до смерти. После смерти Капанадзе рукопись хранилась в Грузии у его дальней родственницы — Тинатин Давидовны Майсурадзе. Позднее ее нашла «группа энтузиастов-историков», занимающихся историей старого Тифлиса. В Грузии ее опубликовать отказались, зато опубликовали в России.

И мемуары матери Сталина, и мемуары Камо написаны достаточно ярко, живо, интересно. Себаг-Монтефиоре ссылается на мемуары матери как на подлинные. Их переводчик на русский язык Вилли Гогия утверждает, что они сначала находились в архиве ЦК Компартии Грузии, затем в постперестроечное время были переданы в грузинское МВД⁴⁶, где и пролежали до настоящего времени.

Мемуаров, посвященных позднему Сталину, достаточно много. Однако в отличие от мемуаров матери Сталина и мемуаров Камо, они в большинстве своем очень политически окрашены. Мемуары писали уже после смерти Сталина и его родственники, и его соратники. К числу таких мемуаров относятся как малоизвестные мемуары сына Сталина Василия, так и «раскрученные» мемуары дочери Сталина Светланы Аллилуевой.

Мемуары Василия Сталина, подлинность которых подвергается сомнению, якобы написаны в 1960 году в СССР. Затем Василий Сталин якобы передал их в посольство КНР. Редакция российского издательства, опубликовавшего мемуары Василия Сталина под названием «От отца не отрекаюсь!» в 2016 году, утверждает, что они вышли в Пекине в 1962 году — после смерти Василия Сталина, за год до написания знаменитых «Двадцати писем к другу» Светланы Аллилуевой и за пять лет до их публикации в Нью-Йорке. В своих мемуарах Василий Сталин критикует партийное руководство за лицемерие и беспринципность при развенчании культа личности Сталина. Он также критикует свою сестру Светлану Аллилуеву за то, что она отреклась от их отца.

К сожалению, вопрос о подлинности мемуаров Василия Сталина всё еще не решен. Но можно с уверенностью сказать, что позиция Василия по отношению к поведению сестры после смерти Сталина совпадает с той, что он высказывал в беседе с советским военачальником, другом семьи Климентом Ворошиловым 9 апреля 1960 года:

«К. Е. Ворошилов. Как живет сестра? Ты с ней встречаешься?»

В. И. Сталин. Не знаю, я у нее не бываю.

К. Е. Ворошилов. Почему? Она любит тебя.

В. И. Сталин. (С раздражением.) Дочь, которая отказалась от отца, мне не сестра. Я никогда не отказывался и не откажусь от отца. Ничего общего у меня с ней не будет»⁴⁷.

Мемуары «Двадцать писем к другу» Светланы Аллилуевой были опубликованы в 1967 году после ее эмиграции в США. Именно тогда дочь вождя была превращена в икону международного антисталинизма. После побега из СССР в США она не могла не находиться в поле зрения американских спецслужб⁴⁸. И наверняка ее мемуары написаны и подготовлены к печати не без согласования с ними. В нашей стране мемуары вышли в 1989 году — еще до развала Советского Союза.

Василий и Светлана — родные брат и сестра, оказавшиеся по разные стороны политической баррикады. Перед нами конфликт мемуаров, который как зеркало отражает семейную трагедию.

Достаточно известны также воспоминания приемного сына вождя Артема Сергеева («Беседы о Сталине» и ряд других коротких воспоминаний этого же автора). Артем Сергеев с большим уважением относится к Сталину, который его воспитал. Своими воспоминаниями он постарался развенчать антисталинские мифы (например, о деспотичном отношении Сталина ко второй жене Надежде Аллилуевой и другие).

Кроме вышеназванных лиц, собственными воспоминаниями о Сталине поделились и другие представители семьи Аллилуевых: племянница Сталина Кира Аллилуева, сестра жены Сталина Анна Аллилуева. Интерес представляют также воспоминания Ирины Гогуга — близкой подруги Надежды Аллилуевой.

Поделились своими воспоминаниями и современники Сталина — в их числе соратники и, если можно так выразиться, ренегаты. Среди них близкий к нему, один из самых влиятельных советских политиков, член Политбюро ЦК КПСС с 1935 по 1966 годы — Анастас Микоян; руководитель советского государства в постсталинский период Никита Сергеевич Хрущев, родоначальник политики развенчания «культа личности»; а также не столь крупные, но все же значимые фигуры: личный охранник Сталина Николай Власик и офицер личной охраны Юрий Соловьев.

Все эти воспоминания нередко противоречат друг другу. Но порою сами эти противоречия, например неоднозначные сведения о смерти второй жены Сталина Надежды Аллилуевой, позволяют выявить нечто существенное.

Кроме того, в воспоминаниях содержатся важные сведения о литературных, музыкальных предпочтениях Сталина, о его привычках, о его отношениях с семьей. Всё это — мелочи, из которых складывается портрет.

Битва книг. Иллюстрация к памфлету Джонатана Свифта. 1705

Книги, посвященные литературному творчеству Сталина

В 2000 году в России вышел сборник статей «Легион «белой смерти» под редакцией поэта, публициста Василия Ставицкого, до 2002 года занимавшего должность начальника Центра общественных связей Федеральной службы безопасности России. В этой книге были напечатаны ранние стихи Сталина, переведенные на русский язык российским поэтом Львом Котюковым. Эти переводы наиболее известны. В биографиях, написанных до этого времени, о литературном творчестве Сталина в ранние годы упоминалось лишь вскользь, как в книге Емельяна Ярославского «О товарище Сталине». В основном же авторы о поэзии Сталина не говорили.

Помимо ранних стихов Ставицкий опубликовал некое позднее стихотворение Сталина, найденное в архивах ФСБ, которое было написано по-грузински. Про русский текст в сборнике указывается, что он является «обработкой Ставицкого».

В 2001 году израильский славист Михаил Вайскопф попытался проанализировать лексику речей Сталина, его статей и понять, что повлияло на его мировоззрение: кавказский эпос, «язык лозунгов» революции, церковное обучение... Несмотря на то, что автор стоит на антисталинских позициях, книга полезна для исследования

личности Сталина: в ней приводятся ряд интересных фактов о литературных предпочтениях Сталина, о его манере письма.

Стихи Сталина вошли в небольшой сборник, опубликованный в 2005 году под названием «Сталин. Переписка с матерью и родными», где, помимо стихов, приведены дополнительно его письма к матери и ко второй жене — Надежде Аллилуевой.

Составить некий психологический портрет Сталина, основываясь на его письмах, его карандашных пометках в книгах, попытался доктор исторических наук Борис Илизаров в своей книге «Тайная жизнь Сталина» (2013). Однако подчеркнем, что хотя Илизаров приводит весьма интересные сведения, но выводы его отличаются крайней предвзятостью.

Сообщив нам о том, что Сталин во время совещаний рисовал каракули на бумажках и писал на них «Ленин — учитель — друг», Илизаров делает странный вывод. Мол, Сталин писал эти каракули для того, чтобы его секретари им восхищались. При этом широко известно, что самые разные каракули на разных совещаниях рисовали практически все крупные политические деятели (например, Уинстон Черчилль). Связано это с тем, что совещания всегда крайне утомительны, и мозг политика нуждается в определенной графической подпитке. А также в кратковременных снятиях напряжения.

Поэтому каракули — это всегда психологические разрядки, а не работа на публику. И уж тем более на собственный секретариат.

Другие сведения о Сталине (например, сведения о его пометках красным и синим карандашами на полях прочитанных книг), мы рассмотрим отдельно.

Приведенные в этом введении данные нужны для того, чтобы наше исследование не оказалось оторванным от всего того, что сделано другими исследователями, мучительно пытавшимися понять, кто такой Сталин, двигавшимися в русле той или иной конъюнктуры, в разной степени руководимыми полемическими и познавательными мотивами.

Мы внимательно прочитали все эти исследования, сформировали свою оценку каждого из них, с благодарностью относимся к любой крупице сведений, которая в них содержится. Мы твердо уверены в том, что только при таком отношении к тому, что сделано предшественниками, можно сдвинуться дальше в понимании загадки Сталина, разгадывание которой имеет не только исторический, но и судьбоносный политический смысл.